

Алекс Хилл

ЛЕГКО ЛИ ЗАВОЕВАТЬ
СЕРДЦЕ ХУЛИГАНА?

МЕТОД КНИЖНОЙ ГЕРОИНИ

Алекс Хилл
Метод книжной героини
Серия «Young Adult.
Инстахит. Романтика»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68917068
Метод книжной героини: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-177856-9

Аннотация

Книга от автора бестселлеров «После тебя только пепел» и «Найди 5 отличий» Алекс Хилл!

Любовные романы слишком предсказуемы. В них все построено по определенному плану.

Но что выйдет, если применить его в жизни?

Начало нового учебного года не сулило Лане Гришковец ничего интересного, пока ее подругу Катю не осенила гениальная идея: завоевать плохого парня, следуя методу книжной героини. План составлен, цель выбрана – все под контролем, но...

Девушки, кажется, забыли, что их окружают живые люди, а не выдуманные персонажи.

Тайны, старые обиды, жажда мести и интриги могут разрушить хрупкие чувства и поставить под удар шанс на счастливый финал.

Любовь побеждает все.

Так ли это? Проверим!

«Влюбить Е.Л. за 7 шагов – таков был план подруги главной героини. Романтическая история, которая начинается как комедия с необычным сюжетом, постепенно перерастает в нечто большее. Наблюдать за перепалками и взаимным притяжением Елисея и Ланы было особым удовольствием, а погружаться в книгу, повествование в которой пошло совсем не по канонам, – тем более!» – *@oh_pollybooks*

Содержание

Пролог	7
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	29
Глава 3	50
Глава 4	73
Глава 5	90
Глава 6	114
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Алекс Хилл

Метод книжной героини

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Хилл А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

* * *

Плей-лист

Hans Zimmer – Cornfield Chase

BTS – FAKE LOVE

GTA feat. Sam Bruno – Red Lips

Janet Suhh – In Silence

grandson – Blood // Water (Acoustic)

Malia J – Smells Like Teen Spirit

nicebeatzprod. – Я бы не пошла за тобой

CHUANG 2021 – Be Mine (Studio Ver.)

Jacob Miller, Matt Naylor, Steven Stern – Slipping Away

SYML – The War

Пролог

Свет монитора падает на затертую клавиатуру старого ноутбука, длинные худые пальцы бегло нажимают на кнопки, наполняя темную комнату тихими щелчками. Сообщение отправляется адресату, довольная улыбка расплывается на сухих губах. Его радует, что очередной собеседник оказался таким доверчивым. Многие очень любят говорить о себе, и не важно, кто их слушает и с какими целями.

Из-за закрытой двери доносится ласковый женский голос:
– Пора ужинать.

Парень резко закрывает ноутбук, придерживая крышку, и прячет его под одеяло. Вскрикивает с дивана, запуская растопыренные пальцы в спутанные волосы:

– Не хочу!

– Все в порядке? Я войду?

– Нет!

– Я приготовила твои любимые голубцы, заварила чай...

– Не голоден!

– Тебе нужно...

– Выйду через д-десять минут!

– Хорошо, – с тихим вздохом отвечает женщина.

Он вслушивается в ее удаляющиеся шаги и, поймав умиротворяющую тишину, позволяет себе расслабиться. Возвращается к дивану и берет в руки ноутбук, относит его

к тумбочке, заваленной потрепанными книгами, и прячет в нижний ящик среди свитеров и спортивных штанов. Его взгляд устремляется к окну, за пыльным стеклом виднеется темнеющее небо с яркими полосами розового заката. Пара шагов, руки упираются в подоконник. Глубокий вдох, замедляющийся стук сердца. Лето закончилось, впереди холодная серая осень, но кое-что сможет раскрасить ее в новые неожиданные цвета.

На столе лежит нераспакованный набор для вышивания. Новая картина, которую Елена Васильевна подарила в свой последний визит. Он поднимает упаковку и горько усмехается. Очередная чушь, которая не спасает от одиночества и скуки. На карточке поверх полотна нарисованы четыре котенка в плетеной корзине: черный, белый, серый и рыжий. Эти котята не смогут повеселить его, а вот другие...

Часть 1

Глава 1

Голубые глаза подруги искрятся от восхищения, рыжие кудряшки пружинят вокруг лица. Катя активно размахивает руками и подпрыгивает на мягком матрасе кровати, рассказывая о новой книжной любви. Я поднимаю взгляд на прикрученные к стене полки, ломящиеся от книг в цветных обложках. Десять стоят в ряд, шесть – в стопке, четыре в мягкой обложке, три тома манги...

– Лана! Ты меня слушаешь?!

Хлопаю ресницами, опуская подбородок, и улыбаюсь:

– Извини, задумалась. Ну и что там дальше? Как он ее вернул?

– Никак! Она сама к нему вернулась, потому что любит!

– Кать, тебе не кажется, что это странно? Он же тиран. Никогда не считался с ее мнением, делал что хотел, даже...

– Он ей не изменял! И он тоже ее любит!

– Тут уж как посмотреть, – хмыкаю я и ныряю рукой в пакет с солеными крекерами.

– Ничего ты не понимаешь, – мечтательно вздыхает Катя. – Он прекрасен. Идеален! Сильный, смелый, таинственный. Краси-и-ивый...

– Выдуманный, – бубню с набитым ртом.

– Да ну тебя! Все любят плохишей! Это же так романтично. Он был таким холодным и неприступным, а после встречи с ней стал нежным и ласковым. Об этом мечтает каждая.

– Наверное, – пожимаю плечами.

– Точно тебе говорю!

Катя сует в рот крекер, тщательно вытирает пальцы о домашнюю зеленую футболку и открывает книгу. С тихим смешком заваливаюсь на подушку в форме лохматого сердца и готовлюсь слушать ее любимые моменты, отмеченные розовыми закладками-стикерами. Катя зачитывает диалоги и сцены, лишь иногда отвлекаясь, чтобы проверить мою реакцию, но через десять минут история накрывает ее с головой, а заодно утягивает и меня в удивительный мир, где все события ведут двух героев навстречу друг другу.

Случайная встреча, первое касание. Неопределенность чувств, судьбоносные повороты, забавные перепалки, разговоры по душам. Поцелуй, ссора, душевные терзания. Любовь...

– ...«Я никогда не думал, что это будешь ты. Никогда! Но теперь не представляю жизни без тебя, – басом читает Катя. – С ее длинных подкрученных ресниц капали слезы. Она шагнула к нему навстречу и закинула руки на сильные широкие плечи. Их губы встретили-и-и-сь», – протяжно пищит она и падает рядом со мной, прижимая раскрытую книгу к груди.

– Нашатырь принести? – хихикаю я, поворачивая голову.

– Принеси мне Джексона. А лучше Джареда. А еще лучше...
ше...

– Их обоих?

– Это еще не весь список.

– Кто бы сомневался.

Наручные спортивные часы, подаренные мамой на прошлый Новый год, показывают половину восьмого. Тревога нарастает в груди, и я нехотя поднимаюсь, заправляя за уши длинные спутанные пряди, щекочущие щеки.

– Мне уже пора.

– Нет! – протестует Катя, сбросив морок книжной влюбленности. – Мы же собирались устроить ночевку перед началом учебного года!

– Твоя мама...

– Она сегодня в гостях у тети, вернется не раньше полуночи. Притворимся, что спим, и все дела.

– Боюсь, она разбудит меня и все равно отправит домой.

Катя отводит глаза, в которых кроется печаль. Протягиваю руку и щиплю ее за пухлую щеку в знак понимания и поддержки:

– Напишу папе сообщение. Если он разрешит задержаться, то побуду у тебя еще немного.

Хватаю с пола телефон и открываю список диалогов. Выбираю контакт «папуля *звездочка*», и на экране появляется пустое серое поле. Вбиваю текст в строку – всего несколь-

ко бессмысленных слов. Жду пару минут, прежде чем стереть сообщение, и блокирую телефон. Катя в нетерпении приподнимает брови:

– Ну-у-у?! Разрешил?!

– Да, – отвечаю с мягким смешком.

Катя вскидывает вверх руки, издавая короткий победный визг, а я снова обнимаю подушку. Вдыхаю приятный аромат лавандового кондиционера для белья и яблочных духов Кати, которыми пропахла вся комната. Как же здесь спокойно.

– Эх, Ланка, тебе так повезло с родителями. Особенно с отцом. Мой вообще меня не понимает. Кажется, он до сих пор думает, что я учусь в начальной школе, а не в десятом классе. Представляю, какое у него будет лицо, когда в следующем году я заговорю о поступлении в универ.

Мысли тянутся к размытому образу папы: широкая улыбка, непослушная длинная челка, вечно криво сидящие на носу очки. Надавливаю пальцами на веки, прогоняя картинку, и слышу короткие глухие щелчки, которые тонут в шелесте пакета. Катя сосредоточенно набирает текст на телефоне одной рукой, а второй отправляет в рот крекеры один за другим. Закончив печатать, она коротко кивает сама себе и кладет телефон на постель экраном вниз.

– Лана, ты уже решила, куда будешь подавать документы?

– Нет. А ты?

– У меня для этого есть мама, мне ведь еще рано думать своей головой, – с задавленной злобой говорит Катя. – Юрис-

пруденция – мое будущее.

Подруга вновь берет книгу и вертит ее в руках, гладит пальцами корешок и с благоговением разглядывает обложку, грустно вздыхая. Подпираю голову ладонью, упираясь локтем в матрас, и пытливо прищуриваюсь:

– Как там рукопись? Когда ты уже дашь мне взглянуть?

Катя прячется за книгой, прислоняя ее ко лбу, и трясет головой:

– Никогда!

– Брось! Уверена, она замечательная.

Подруга медленно убирает «щит» и склоняет голову, глядя в одну точку:

– В ней нет ничего особенного. Я прочитала столько романов и фанфиков, что с уверенностью могу сказать – все классные истории уже написаны. Я пытаюсь придумать что-то свое, но... Это так трудно! Все уже есть. Такое чувство, что я подглядываю за великими людьми и краду их идеи.

– Ты слишком загоняешься. Просто напиши то, что в первую очередь будет нравиться тебе.

Катя яростно трясет книгой с обнимающейся парочкой на обложке перед моим лицом:

– Мне нравится это! Чтобы он бедовый бэд бой, а она милая добрая красотка, но не знает об этом. Чтобы сначала ненависть, а потом любовь до гроба.

– Гроб обязателен?

– Да!

– Хорошо. В чем тогда проблема?

– В том, что все это уже было. Тысячу миллионов раз!

– Да какая разница?! В любом случае, если это напишешь ты, то получится уникально. Знаешь, в чем главная проблема всех твоих книжных крашей и краших?

– Ну-ка, ну-ка? И в чем же?

– В том, что они книжные. Они живут в мире, где нет случайностей, где сюжет крутится только вокруг них и все происходящее ведет по заданному пути с известным финалом, в котором никакого выбора не будет. Только хеппи-энд, только хардкор.

Катя задумчиво стучит пальцами по губам и смотрит на книжные полки. Между ее бровями появляется тонкая, едва заметная складка, а дыхание замедляется. Она еще несколько мгновений витает в дымке размышлений и возвращается ко мне, сделав глубокий вдох.

– Вообще-то, у меня есть одна идея, – тихо говорит она, словно боится, что нас может услышать кто-то еще.

– Вдохновение вошло в чат. Называйте меня «ее величество Муза». Если что, я люблю банановый пломбир и соленую минералку. Это так, для подношений.

– Да-да, ты моя великая спасительница, целую твои пятки, – со смехом отмахивается Катя. – Я уже давно кое-что обдумываю, но пока не понимаю, как все это провернуть.

– И в чем суть?

– Я хочу проверить, насколько реальными могут быть

книжные истории и работают ли их законы в жизни? Можно ли влюбить в себя плохого парня, если ты точная копия книжной героини?

– Нельзя, – усмехаюсь я.

– Но почему-у-у? Вдруг и правда сработает. Вдруг романы не врут.

– Шансы – один на количество звезд в Млечном Пути.

– Но они есть? – кривится Катя, выказывая пренебрежение к царице наук.

Шумно выдыхаю сквозь расслабленные губы и округляю глаза. Кажется, подруга поймала шизу.

– Разве тебе самой не интересно? – подначивает Катя. – Лана, я же тебя знаю. Вспомни, кто подбил одноклассников в прошлом году искать клад на заброшке? А кто в седьмом классе убедил всю школу, что в нашей реке живут карликовые акулы? Даже директор засомневался в своей адекватности.

– Я сама во все это верила!

– А в любовь что, не веришь?

– Погоди... ты на меня намекаешь? Я стану одной из подопытных?

– Ну не я же!

– Почему нет?

Катя прикладывает палец к подбородку, принимая позу великих мыслителей:

– Давай подумаем вместе. Ты стройная...

– Я вешу пятьдесят три килограмма.

– С ростом метр семьдесят! А еще ты милая...

– В каком месте?

– У тебя длинные волосы.

– Тоже мне достижение.

– Хорошее чувство юмора.

– Колобок повесился от моих шуток.

– Родители не следят за тобой двадцать четыре на семь.

Открываю рот, чтобы парировать, но горло обдает холодом. Крыть нечем.

– Лана, у тебя получится куда лучше, чем у меня. Парни не обращают на меня вни...

– Неправда! – тычу в нее пальцем. – Максим, Игорь...

– Они отличники! Им и палка понравилась бы, умей она держать книги. Это не наша категория. Сама подумай, десятый класс жутко скучный. До начала серьезной подготовки к экзаменам еще год, а так у нас будет свой личный веселый проект.

– Веселый? – с нескрываемым сомнением спрашиваю я.

Катя подбирается ближе и нависает надо мной. Теперь ее голова похожа на рыжий одуванчик, а давящий взгляд не даст сдвинуться с места. Она наклоняется все ниже, глаза становятся все шире. Пихаю ее в плечи и произношу громко:

– Ладно! Уговорила, маньячка!

– Ура! Зуб даю, это будет лучшее время в твоей жизни. Только представь, мы на пороге великого открытия!

– Или великого разочарования, но это определенно будет что-то интересное.

– Ланочка, если я когда-нибудь напишу бестселлер, обещаю, посвящу его тебе.

Восторг и радость в голосе подруги наполняют грудь мурчащим ощущением тепла, а предвкушение очередного приключения ударяет жаром в щеки. Искренняя улыбка касается губ, но ее беспощадно стирает хлопок входной двери.

– Катя! – гремит голос тети Ларисы.

Переглядываемся с подругой и одновременно вскакиваем с кровати. Катя прячет крекеры в шкаф, а я отточенным движением встряхиваю одеяло. Крошки сыплются на розово-серый ковер и тонут в пушистом ворсе. Садимся с Катей на край постели, выпрямив спины, и с замершими сердцами ждем появления родительницы. Тетя Лариса входит в комнату и останавливается в самом центре, сканируя пространство. Ее ноздри раздуваются при глубоком вдохе, взгляд скользит по лицу дочери, а после по моему.

– Света, ты еще здесь? Уже поздно.

– Мам... – жалобно протестует Катя.

– Папа немного задержался, и я ждала, пока он освободится, чтобы меня забрать, – оправдываюсь я бессовестной ложью. – Он звонил три минуты назад, скоро будет здесь.

– Хорошо, – кивает тетя Лариса и недовольно морщится. – Пахнет сыром. Вы принесли еду в комнату?

Чувствую, как подругу прошибает дрожь, и украдкой

смотрю на покачивающиеся от легкого ветра занавески.

– Это с улицы, – быстро отвечаю я. – Кажется, кто-то из соседей сжег сырный попкорн.

– Катя, закрой окно и принеси увлажнитель. Не хватало, чтобы вся квартира провоняла.

– Да, мам, сейчас.

– Сейчас же!

Тетя Лариса круто разворачивается и выходит из комнаты, плотно закрыв за собой дверь. Катя опускает подбородок к груди, и я беру ее за руку, нежно сжимая ладонь.

– Пронесло, – произношу шепотом.

– Почему она не может быть нормальной?

– Потому что нормальные родители – тоже выдумки писателей. Тут никакие эксперименты не нужны.

– Твои нормальные. Даже после развода...

Отнимаю ладонь и встаю, охваченная новой вспышкой тревоги:

– Лучше я пойду. Встретимся завтра в библиотеке.

– Я тебя провожу.

– Выход я и сама найду, а ты лучше займись увлажнителем и перепрячь крекеры. Не хочу, чтобы тебя наказали в начале четверти. У нас же теперь есть важное дело.

Тихо закрываю дверь, обтянутую бордовой кожей с ржавыми заклепками, уродливый желтый ключ тонет в тонкой замочной скважине и поворачивается со скрипом. Прислу-

шиваюсь. Гортанный храп, доносящийся из глубины квартиры, заставляет скривиться. До сих пор не могу поверить, что все это действительно происходит. Вздохнув, запикиваю ключ в боковой карман пустого портфеля и шагаю к лестнице. Из открытого окна подъезда сочится утренняя свежесть. Последние летние деньки почему-то навевают печаль больше, чем обычно.

Спускаюсь по ступеням, отсчитывая от сорока двух до одного, и врываюсь в новый день. Солнечный свет бьет по воспаленным глазам, которые с трудом удалось раскрыть под настойчивое пение будильника. Надеваю темные очки и быстрым шагом выхожу на проспект. Путь к школе через центр длиннее на пятнадцать минут, но веселее. Замечаю белую пыльную иномарку и решаю, что сегодня цвет будет таким. Игра начинается. Одиннадцать белых автомобилей, три человека в белой одежде, пять букетов белых цветов в ларьке, мороженое в руках симпатичной молодой девушки. Итого двадцать белых предметов, а вот и школа.

За воротами у главного входа стайками кучкуются ребята. Никакой формы в «пробный день», только яркие футболки, потертые джинсы и короткие юбки. На лицах старшеклассников сонные улыбки, а оголенные участки кожи подкрашены загаром.

– Лана! Привет! – кричит Женька Малиновская. – Ты все-таки здесь! Не уехала!

Прячу похолодевшие пальцы в карманы широких штанов

цвета хаки и весело отвечаю однокласснице:

– Как же я могла бросить любимый лягушатник?

На плечи опускается тяжелая рука, приторный запах дезодоранта щекочет нос, а рядом с ухом гремит грубый насмешливый голос:

– Ты кого здесь жабаком назвала, Гришковец?

– Миша, я же любя.

– Так это признание? Я тронут до глубины...

– У тебя нет души, Морозов, – говорит внезапно появившаяся за спиной Катя и убирает руку Миши с моих плеч. – А чего вы все здесь стоите? Библиотека во двор переехала?

– Мы ждем шоу, – заявляет Женька, взволнованно пританцовывая на месте.

Катя молча кивает, остальные тоже загадочно молчат, и, кажется, я одна не понимаю, что происходит. Кручу головой, старшеклассников во дворе становится все больше. Ребята выстраиваются, как на линейку, хотя сегодня никаких официальных сборов быть не должно. Шелест приглушенных разговоров сплетается с ветром и шумом проезжающих мимо автомобилей, но в один момент все замолкают. Слышится лишь дыхание города, готовящегося к встрече с новым временем года и новым жизненным витком. Катя прижимается к моему боку. Слежу за ее взглядом, который направлен в сторону входа на территорию школы, и наконец-то все понимаю.

Пятеро парней появляются во дворе, впереди гордо ша-

гает Денис Загорный, сияя самоуверенностью. Его руки расслабленно болтаются, как переваренные спагетти, на ногах массивные зеленые кроссовки, от которых рябит в глазах. Он останавливается и осматривает присутствующих, гордо расправив плечи.

– Им еще не надоело заниматься этой ерундой? – шепчу я, наклонившись к Кате.

– Это традиция.

– Глупая традиция.

– Ш-ш-ш... тихо! – шипит Женька.

– Ну что? Пора прощаться, – громко произносит Загорный.

Он затягивает высокопарную речь о том, что от нас теперь зависит честь и статус школы. Распинается, сколько всего сделал, чтобы удержать планку и защитить всех, кто здесь учится, от главного врага.

В городе есть два крупных учреждения для получения среднего образования – наша школа номер тридцать три и двенадцатая гимназия. Никто не помнит, с чего и когда это началось, но соперничество между учениками уже давно вышло за пределы учебы – конфликты на пустом месте, систематические драки. И для того, чтобы решать подобные проблемы, каждый год или два выбирают представителя с обеих сторон. У нас – генерала, в гимназии – командующего.

– Мне жаль оставлять этот пост, но второй раз в одиннадцатый класс меня не взяли, поэтому... – заговорщически

улыбается Денис, удерживая интригующую паузу.

Позади Загорного стоит четверка новоиспеченных одиннадцатиклассников. Рома и Витя из футбольной команды, Илья – победитель местных олимпиад по физике, а заодно обладатель кулаков-молотов, и Сергей – внебрачный сын Халка и гориллы. Выглядят устрашающе, но в их головах только ритуальные танцы свинки Пеппы. Даже наш Мишка подошел бы на роль генерала лучше.

Во двор расслабленной ленивой походкой wpłyвает еще одно действующее лицо, и, кажется, даже ветер вдруг становится холоднее. Его черные волосы разделены прямым пробором, челка рваными прядями спадает на глаза, а в правом ухе сверкает серебряное кольцо. За лето он стал еще выше и еще мрачнее. Поверх черной футболки накинута легкая ветровка, скрывающая худобу. Он останавливается рядом с Загорным и пожимает протянутую ладонь. Неужели они решили выбрать?..

– Торжественно представляю вам нового генерала нашей любимой тридцать третьей! Вы все его прекрасно знаете, а он знает, что нужно делать. Елисей Ли!

Хлопки десятков ладоней улетают в небо, разносится девичий визг и дружное «о-о-о» парней. Елисей скучающе смотрит в землю, а Денис покровительственно хлопает его по плечу.

– Ну что, генерал? Скажешь вступительное слово?

Елисей поднимает голову, прошибая присутствующих хо-

лодом.

– Идите за учебниками.

Загорный легко толкает его в бок.

– А со всеми проблемами – ко мне, – нехотя добавляет новый генерал.

Денис усмехается, качая головой, и произносит:

– Вы в надежных руках! Всем успехов! Собрание окончено!

Двор наполняется гомоном и топотом, словно гудящий муравейник, все медленно ползут к широким дверям учебного корпуса. Катя хватается меня за руку и оттаскивает в сторону, пропуская одноклассников и ребят из параллели.

– Что-то он не в восторге от нового звания, – приглушенно говорю я.

– Это же Елисей. Ты хоть раз видела его веселым или хотя бы довольным?

Задумываюсь на пару мгновений и ощущаю мокрые снежинки на носу, прилетевшие из воспоминаний. Мороз обжигает губы и шею, и я вижу широкую улыбку мальчика, запустившего в меня снежком.

– Нет, – отзываюсь глухо, ощутив внезапную сухость в горле.

– Ты так пристально смотрела на него...

– Как и все.

– Неправда, – хихикает Катя и толкает меня в бок бедром. Отлетаю на пару шагов и врезаюсь плечом в... Катя, блин!

Хоть бы прицелилась! Елисей медленно поворачивает голову, в темно-серых глазах ни единой эмоции.

– Извини, – растерянно произношу я.

Он молча проходит мимо, а я оборачиваюсь к подруге. Ее хитрый прищур подсказывает, что это была никакая не случайность. Она целилась и попала в яблочко. Мотаю головой и растерянно шепчу:

– Нет, нет, нет.

– Да, да, да. Это начало, крошка. Начало новой истории.

– Кать, не смешно.

– Он идеальный кандидат, – радостно произносит она и хватается мою ладонь цепкими пальцами. – Я все продумала. Сейчас расскажу.

Коридор третьего этажа школы заполнен старшеклассниками, оккупировавшими скамейки и подоконники. У двери в библиотеку выстраивается очередь, окна раскрыты настежь. Отходим с Катей к дальней стене, возле которой в ряд выстроены кустистые папоротники, и забиваемся в уголок для конфиденциального разговора. Обсуждение обещает быть волнительным и долгим, хорошо, что мы обе не торопимся домой.

– Исключено, – заявляю я твердо.

– Это лучший вариант, – настаивает Катя. – Не можешь же ты влюблять в себя того, кто тебе совершенно не нравится? И Елисей самый бедовый из всех, кто с нами учится. Джекпот!

– Во-первых, он мне не...

– Ври больше, – хихикает она. – Я все вижу, Лана. Признайся, он тебя цепляет. Это неудивительно, я тоже считаю его симпатичным и крутым, но у меня нет ни единого шанса. Судя по его замашкам, особо-то ни у кого нет.

– И ты хочешь отправить меня на эту бойню?

– Почему ты настроена на провал? – хмурится Катя.

– Потому что это Елисей. Я не помню, чтобы он встречался с кем-то, даже просто разговаривал с одной из девчонок больше минуты.

– Ты ведь не видела его за пределами школы.

– Больше чем уверена, разницы нет.

– Так! – Катя грозит мне указательным пальцем. – Давай ты выслушаешь мой план, а после решишь?

Глубоко вдыхаю, искоса поглядывая на компанию одиннадцатого «Д». Елисей стоит у окна, прислонившись к подоконнику. Голова опущена, темная челка по обыкновению закрывает половину лица. Плечи чуть сгорблены, худые пальцы сжимают телефон.

Он перевелся к нам четыре года назад, тихий и скромный мальчик, который тут же привлек слишком много внимания. Миндалевидный разрез глаз с нависающим верхним веком, тонкая переносица, широкие скулы, массивная челюсть и бледная кожа. На него посыпалось множество вопросов и шуток из-за внешности и фамилии, но продолжалось это недолго... до первой крупной драки, в которой Елисей

эффектно продемонстрировал, что его лучше не задирать. В девятом классе он попал в генеральскую свиту, а теперь стал генералом сам, хотя обычно его не видно и не слышно. Он всегда будто сам по себе, со всеми, но все равно один.

Возвращаю внимание Кате, которая задумчиво улыбается, глядя сквозь меня:

– Хорошо. Я слушаю.

Ее глаза вспыхивают, а голос приобретает воодушевленные нотки:

– Мой план состоит из семи шагов. Первые три – случайные встречи, которые, конечно же, не будут случайными. Никакой судьбы, все в наших руках.

– Точнее, в твоих бедрах. Будешь толкать меня на него при каждой удобной возможности? Или предлагаешь самой выпрыгивать из-за углов?

– Почти, – усмехается Катя. – Не перебивай. Четвертый шаг – спасение. Он тебя или ты его, не важно. Главное, чтобы появилось чувство благодарности, а дистанция сократилась.

– Он всегда смотрит в пол. Если меня свяжут по рукам и ногам и потащат в тонированную тачку, он даже не заметит.

– Сделаем так, чтобы заметил, – не сдается Катя. – Пятый шаг – свидание, он будет зависеть от успеха первых четырех. Это может быть что угодно, даже вынужденная встреча. Вам нужно будет провести не меньше двух часов наедине.

– Если следовать твоим методам, то, предполагаю, ты закроешь нас, например... в спортивной раздевалке? Да?

– Не исключено. Шестой шаг, очень важный – раскрытие тайн. Любовь рождается из доверия, поэтому вы должны будете обнажить души друг перед другом.

Прикрываю глаза, ощущая легкое головокружение. Хорошо хоть, только души.

– И седьмой шаг – поцелуй и признание. Можно наоборот, как пойдет. Вот и все, – Катя хлопает в ладоши, – эксперимент завершен. И прежде, чем ты начнешь возникать, подумай о том, что будет, если все сработает. Ты узнаешь его, сможешь стать ближе. Разве ты этого не хочешь?

– А если не сработает, он будет считать меня сумасшедшей.

– Это его последний год в школе, Лана. Хочешь сказать, будет лучше, если он даже не узнает о твоём существовании? Он еще никого к себе не подпускал, но у тебя есть эта возможность, если сделаешь первый шаг. Точнее, семь шагов. А еще у тебя есть я – специалист по плохим замкнутым парням. Он не устоит.

Виски напряженно пульсируют, сердце азартно стучит в груди.

– Он ведь сплошная тайна. Тайна, которую ты можешь разгадать, – добивает меня подруга.

Возможно, это именно то, что мне сейчас нужно. То, что поможет забыть о событиях, наполняющих мою настоящую жизнь. Бросаю еще один короткий взгляд на Елисея, прислушиваясь к внутреннему голосу. У меня нет большой сим-

патии к этому парню, скорее любопытство и интерес. Если говорить словами Кати, то он закрытая на замок книга с необычной обложкой и интригующей аннотацией, а у меня в руках связка отмычек, которыми я никогда в жизни не пользовалась, но могу попытаться.

– Ну что, подруга? Готова переместиться в мир грез и стать героиней любовного романа?

Набираю полные легкие теплого воздуха с ароматом старых книг и увядающей зелени и смотрю в решительные глаза Кати:

– Легче легкого!

Глава 2

Катя поражает меня серьезностью подхода к нашему «проекту» и в первый учебный день заявляет, что перед выполнением основного плана придется провести подготовительные работы. На большой перемене она утаскивает меня в северное крыло, самое безлюдное и безопасное место в школе, потому что именно здесь находится кабинет директора, и достает из сумки новенький блокнот на крупных металлических кольцах. На первой странице ровным круглым почерком выведены семь пунктов с громким заголовком «Влюбить Е.Л.».».

– Замажь инициалы, – шепчу я, опасливо оглядываясь по сторонам.

– Расслабься, это всего лишь буквы.

– А если кто-то увидит?

– Тогда я выколю ему глаза и зашью рот, – весело говорит Катя, опуская блокнот на подоконник, и переворачивает страницу.

– Опасная ты женщина, Карпова. Я тебя боюсь.

– И не зря.

Катя указывает пальцем на таблицу, расчерченную черной ручкой, и у меня пропадает дар речи.

– Это будет непросто, но нам нужны все козыри, и информация – один из них. Самое легкое – сфоткать расписание

одиннадцатого «Д», после нужно записать все маршруты передвижений Елисея по территории школы, какие уроки он обычно прогуливает, что ест в столовой, с кем общается, кого обходит стороной...

– Общается он только с генеральской свитой, а обходит стороной всех остальных.

– Нам нужно знать наверняка, – строго говорит Катя. – А еще нужно выяснить, как он добирается до дома, где вообще живет и как проводит время после школы. Есть ли у него увлечения, друзья. Короче, все, что удастся нарыть.

– Будем следить за ним?

– Естественно, агент Гришковец.

– Он, конечно, вечно ходит с опущенной головой, но, мне кажется, трудно не заметить двух идиоток, таскающихся по пятам.

– Верно! Поэтому мы поступим, как настоящие профессионалы. Слежку ведем в одиночку, между рейдами делаем перерыв один-два дня и постоянно меняем внешность, чтобы не примелькаться. По моим подсчетам, потребуется около трех недель, чтобы заполнить таблицу.

Хватаю подругу за голову, приминая упругие кудряшки, и дую ей на лоб что есть сил.

– Лана, что ты делаешь?

– Подумала, у тебя мозг кипит.

Катя ударяет меня по рукам и смеется, поправляя волосы:

– Мой гениальный мозг поддерживает рабочую темпера-

туру. И это еще не все...

– Правда? А что еще? Закажем с китайского сайта прослушку и скрытые камеры? Тогда операция растянется на полгода, но чего не сделаешь ради...

Катя склоняет голову и прищуривается, заставляя меня замолчать:

– Все сказала?

– Прости, – опускаю взгляд. – Я немного нервничаю. Не каждый день приходится творить нечто подобное.

Она кладет руку мне на плечо и ласково улыбается:

– Не каждый день ты собираешься завоевать парня мечты.

– Странное определение. Он...

– Сделаешь выводы после того, как мы закончим, – отрезает Катя и возвращается к блокноту. – Итак, переходим к не менее важному моменту... как сделать из тебя книжную героиню?

Просматриваю еще один список, держать себя в руках с каждым пунктом становится все труднее:

– Все это похоже на биполярное расстройство. Быть милой, но отвечать колко. Смотреть в глаза, закусывать нижнюю губу... Это обязательно?

– Все, что здесь написано, обязательно. Выучи, через пару дней начнем репетировать.

– Да, командир Карпова! Так точно, командир Карпова!

Катя строит забавную рожицу, закрывает блокнот и вручает его мне:

– Идем к стенду с расписанием.

Быть секретным агентом не так-то просто, но мы с Катей неплохо справляемся. Дни летят, таблица постепенно заполняется, но сказать, что мы узнаем нечто выдающееся и невероятное, нельзя. Уроки Елисей прогуливает редко, исключительно вместе с Витей и Ромой, которые предпочитают турники истории и географии. Как я и предполагала, близких отношений с девушками у Елисея нет, по крайней мере, в стенах школы, но он довольно тепло общается с Вероникой Давыдовой, девушкой Дениса Загорнова. Значит, не такой уж Елисей и сухарь, просто держит дистанцию и не стремится быть в центре внимания. Живет он в западном районе города, что немного странно, ведь там есть еще несколько школ, и даже двенадцатая гимназия расположена ближе, чем наша тридцать третья. Помимо тусовок с генеральской свитой других увлечений не выявлено. Ах да! Большую часть времени он таращится в телефон, но это уже норма для нашего времени.

– Последним уроком у «Д» класса история, – говорит Катя, медленно спускаясь по лестнице. – В столовой я слышала, что Рома предложил Елисею ее прогулять. Сегодня твоя очередь, пойдешь за ними.

– Зачем? Смотреть, как они протирают турники в парке?

– Если бы все было так, то пошла бы я. Рома здорово де-

лает сальто и всякие крутые штуки, а еще он снимает рубашку...

Катя останавливается между лестничными пролетами и прижимает ладонь к груди, качая головой. Обычно она делает так, только когда говорит о книжных персонажах. Что-то новенькое.

– Кажется, кое-кто заинтересовался «3D» парнем. Еще не поздно изменить план и сделать главной героиней тебя.

– Если все пройдет успешно, займемся и моей личной жизнью, а пока... – Катя бросает на меня серьезный взгляд. – Они идут в «Луч» на встречу с Загорным. Девчонки тоже будут. Торговый центр – отличное место для слежки. Даже если тебя заметят, это не будет подозрительно.

– Но у нас еще обществознание...

– Я тебя прикрою, не волнуйся. Это супервозможность понаблюдать за Елисеем в непринужденной обстановке и кругу друзей, такое нельзя пропустить. Ты взяла с собой маскировку?

– Да, – киваю я и поправляю лямку тяжелого рюкзака. – Может, пойдем вместе?

– Не могу. Мама уже всыпала мне за прогул информатики и мониторинг посещаемость каждый день. Прогуляю еще один урок, и она накажет меня до конца жизни. Я присоединюсь к тебе после, главное, чтобы ты их не упустила.

– Хорошо. Тогда я переодеваться и на дело.

– Удачи, агент Гришковец.

– Спасибо, командир.

Четырехэтажный торговый центр похож на лабиринт из натертых до блеска стеклянных стен. В воздухе витает аромат дорогих духов, но, чем ближе я к фуд-корту, тем более явным становится запах теплого масла и пестицидных добавок, которые подсаживают всех неразборчивых на иглу фастфуда. Прохожу мимо любимого магазина одежды, тело следует знакомому маршруту на автопилоте. Усилием воли останавливаюсь у двери, в голове звучит папино недовольное бурчание:

«И это одежда? Где? Я не вижу. Лана, только не говори, что так сейчас модно. Давай лучше купим сумку в „Ашане“ и сошьем тебе тысячу маек?»

Мы с мамой шутливо закатывали глаза и тихо смеялись над реакцией папы, а после брали его за руки с обеих сторон и тянули за собой в пространство молодежной моды. И сколько бы он ни возмущался в процессе, к кассе мы всегда подходили дружной счастливой семьей. После покупали апельсиновые фрешы и шли на сеанс в кино...

И почему я только сейчас понимаю, как дороги эти моменты? Может быть, потому, что они уже никогда не повторятся?

Встряхиваю головой и отхожу от магазина, считая манекены в витринах. Четыре, пять, шесть... Сворачиваю за угол, гул голосов становится все громче. Застегиваю олимпийку,

пряча под темной тканью белую школьную рубашку, и осторожно рассматриваю лица, выглядывая из-под широкого козырька кепки. Попались! За столиком у витражных окон сидит генеральская свита.

Хорошо, я их нашла, но... что теперь? Что сделала бы книжная героиня? Наверняка нырнула бы в тот огромный декоративный куст возле стены или залезла под соседний стол, чтобы подслушать. Заманчиво, но вряд ли эффективно. И почему мы не тестируем шаблоны фэнтезийных романов? Мне бы мантию-невидимку или какое-нибудь зелье, улучшающее слух. Надо было все-таки подумать о жучках.

Вздыхаю и поднимаю голову: арочные проемы верхнего этажа, огороженные металлическими перилами, отлично подходят на роль наблюдательного пункта. Я не смогу их слышать, но видеть буду отлично. Лучше, чем ничего.

Если честно, я думала, что слежка – веселое занятие. В фильмах и книгах это именно так. Пять минут, и ты знаешь о человеке все, получаешь ответы на вопросы и раскрываешь секреты, но в жизни... это полный отстой. Полчаса я наблюдаю за генеральской свитой, и все, что узнаю: Денис и Вероника целуются каждые четыре с половиной минуты, Витя не стесняется демонстрировать навык художественной отрывки, а Рома пытается подкатить к Насте Соловьевой, подруге Вероники, но она, кажется, положила глаз на Елисея, который в свою очередь старательно делает вид, что ничего не замечает.

Громкий смех за столом заставляет включить внимание на максимум. Настя хохочет и хлопает Елисея по плечу, оставляя ладонь приклеенной к его рубашке. Он едва заметно напрягается, сжимая челюсть. Не нравится? А может, смущается? Вот это будет номер, если он боится девочек. Елисей поворачивает голову, не поднимая подбородка, когна его темных волос точно защитная маска. Настя пытается поймать его взгляд, но это непросто. Происходит короткий диалог, который я, к сожалению, не могу услышать, и Елисей ныряет под стол, чтобы поднять с пола рюкзак. Ладонь Насти соскальзывает и обхватывает стакан с напитком. Соловьева выглядит немного расстроенной, а Елисей... У меня большие сомнения в том, что он вообще может испытывать эмоции, но чем больше я на него смотрю, тем больше кажется, что он печален, а не отчужден. Такое чувство, что он держит в себе слишком много, и если все это вырвется, то случится как минимум Армагеддон. Ого! Я уже думаю, как книжная героиня. Каткины тренировки точно прошли не зря.

– Бу! – звучит за спиной веселый голос, а в ребра вонзаются пальцы.

Подпрыгиваю на месте и оборачиваюсь, поперхнувшись.

– Кать, ты с ума сошла? – хриплю я, поглядывая через плечо. – Тайная операция предполагает осторожность. Ты ведь сама это придумала.

Она смотрит вниз на ресторанный дворик и удовлетворенно кивает:

– Все под контролем, мы не раскрыты. Как дела? Узнала что-нибудь?

– Ты когда-нибудь слышала песни Мияги, исполненные отрывкой?

– Нет.

– А я слышала. Может, пойдем домой? Они просто сидят, ничего интересного.

Катя подходит к перилам и обхватывает круглые трубы, наклоняясь вперед:

– Недолго им сидеть осталось.

– Это еще почему?

– Ты что, не заметила?

– Что именно?

– Агент из тебя, так скажем, не очень, – хмурится подружка. – На свободном стуле под пиджаком стоят два ведра попкорна. Компания собирается в кино.

– Тем более. Нечего больше здесь делать.

– Наоборот. Объявляю переход к следующей фазе.

– Что ты имеешь в виду?

– Первую контактную встречу. Прошлая была разминочной.

Волнение охватывает грудь, жар поднимается от ладоней к локтям. Катя хватает меня за руку и уводит от наблюдательного пункта в сторону зоны отдыха. Свободных скамеек, конечно же, нет, поэтому мы пристраиваемся за широкой инсталляцией в виде серебряной кракозябры, которая долж-

на всех восхищать.

– Странно, что ты не вручила мне парашют и не приказала атаковать его с воздуха.

– Побереги шутки для четвертого шага, – говорит Катя, глядя в телефон.

Она такая сосредоточенная, что даже страшно.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, пытаюсь заглянуть в ее мобильный.

– Ищу расписание киносеансов на ближайший час.

– Мы пойдем за ними?

– Ты пойдешь, а я буду прикрывать твою спину.

– Здесь пять кинозалов. Как мы узнаем, на какой именно фильм они собрались?

Катя поднимает голову и смотрит так, словно я призналась вслух, что считаю Тоби Магуайра лучшим актером, сыгравшим Человека-паука:

– Лана, ты в каком веке живешь? Уже давно придумали приложение для официального подглядывания за жизнью других людей.

Несколько беглых тычков в экран, пара свайпов, и перед лицом появляется фото билетов в кино, украшенное фильмом, стикерами и надписью: «Наконец-то выбрались в кино*сердечки*».

– Третий зал, восьмой ряд, места с седьмого по двенадцатое, – гордо озвучивает Катя.

– Давно ты подписана на Веронику?

– Ее нетрудно найти. Ника-лав-Дениска.

Ошарашенно качаю головой:

– Катька, ты – мегамозг.

– Я в курсе. – Она осматривает меня с ног до головы. – Кепку долой, косу расплести, макияж смыть.

– Макияж-то за что?!

– По книжным правилам, героиня не красится до первого свидания с главным героем, чтобы он сильнее удивился.

– Но я люблю свой макияж!

– А должна любить Елисея!

– Тихо ты, – шиплю я. – Еще рупор взяла бы.

– Надо будет, и его возьму. Все! Идем приводить тебя в порядок, у нас не так много времени!

– Ты хоть собираешься рассказать, что я должна буду сделать?

– Конечно. Слушай внимательно...

Держу в руках большой стакан холодной пепси и шагаю по темному проходу в кинозал. На большом экране мелькают кадры фильма: синее море, волны которого рассекает корабль, на фоне чистого неба летают чайки. Из колонок раздается мощный громкий звук, и я замираю, ощутив холодные цепи страха, сковывающие ноги. Катя легонько подталкивает меня в поясницу, заставляя продолжить подъем по лестнице. С трудом сглатываю, еще до конца не понимая, что мне предстоит. Ничего сумасброднее я в жизни не творила.

Останавливаемся у девятого ряда, осторожно высматривая цель. Все точно, сидят на купленных местах. Елисей замыкает компанию, слева от него Витя, а справа мужичок с блестящей в голубом свете лысиной. Значит, целимся в левое плечо.

– Все должно быть естественно, – шепчет Катя и подцепляет пальцем крышку на стакане, оставляя ее приоткрытой. – Россыпь извинений и паника, ясно?

Твердо киваю, крепче сжимая стакан.

– Вылей все. Главное, выманить его из зала, а там уже по схеме.

– Поняла, – отвечаю я, и губы подрагивают в нервной улыбке.

– Умница. Вперед!

Поворачиваюсь лицом к людям, сидящим в девятом ряду, и с тихими извинениями пробираюсь к центру. Сердце заходится в бешеном ритме, адреналин кипятит кровь, а в голове звучит недавний разговор с Катей.

– Ты серьезно? Он же меня возненавидит!

– Лана, так нужно. Первая встреча должна быть запоминающейся и эмоциональной. Столкновение, порча имущества или внешнего вида, похищение одежды, собаки, телефона, всего, что можно унести. После этого обязательно погоня и дерзкий диалог. Он должен тебя хорошенько запомнить, а для этого необходим взрыв. Что-то нереально...

– Глупое?

– Даже если так. Нет! Обязательно так! Чем глупее, тем лучше. Это та самая встряска, которая вышибает из плена серых будничных дней. В романах это происходит постоянно. Герои встречаются в экстремальных обстоятельствах, после которых не могут перестать думать друг о друге, потому что это что-то новое и неизвестное.

– Он будет думать о том, как свернуть мне шею.

– И это часть плана.

– Супер! Отличный план!

Прохожу мимо Дениса и Вероники и отвожу руку со стаканом назад. Дрожь пронзает плечо, сухость дерет горло. Глотнуть, что ли, газировки напоследок? Оглядываюсь на Катю в дальнем углу зала, она показывает мне большой палец. Надеюсь, что еще и молится за меня. Делаю несколько шагов в сторону, девушка, сидящая передо мной, морщится и нехотя убирает ноги с прохода. Глубокий вдох, прицел... Только бы не промазать. Делаю вид, что спотыкаюсь, и разворачиваю корпус, чтобы поймать равновесие, но на самом деле нарочно теряю его. Есть всего мгновение для финальной сверки – четко! Разжимаю пальцы, заваливаясь вбок. Секундный полет мокрой бомбы, мой тихий горький вздох, и стакан приземляется на живот Елисея. Приоткрытая крышка отлетает, черная шипучая жидкость разливается на ветровку и брюки.

– О боже! Простите, пожалуйста! – надрывно шепчу я.

– Черт! – рычит Витя. – Какого?..

Злобный шепот летит со всех сторон, возмущения накаляют обстановку.

– Вы мешаете смотреть фильм!

– Девушка, сядьте уже!

– Ну сколько можно?!

Елисей поднимается с места, прихватив рюкзак, и, даже не оглянувшись, направляется ко второму выходу из зала. Лысый мужчина, смерив меня недовольным взглядом, принимается яростно отряхивать штанину, которую задела ударная волна. Простите, сэр, но у нас тут научный эксперимент.

«Следующий этап – погоня».

Быстрыми перебежками, поднявшись на носки, преодолеваю оставшуюся часть девятого ряда. Догоняю Елисея возле двери и выскакиваю следом за ним в коридор:

– Мне так жаль! Не знаю, как это вышло!

Он молча ускоряет шаг. Ничего, и я на длину ног не жалуюсь.

– Я могу чем-то помочь? У меня есть сухие платочки и влажные салфетки.

И снова реакции ноль. Он ведь не крикнул ни разу, даже не посмотрел! Где у него тумблер, отвечающий за подачу питания к базе эмоций? Неужели что-то в системе закоротило? Добираемся до уборных, Елисей с силой дергает дверь и собирается скрыться, но не тут-то было. Я что, зря готовилась? Вхожу в комнату, отделанную белой плиткой, и морщусь от неприятного запаха. Для этого плана мне нужен был

противогаз или хотя бы прищепка. Стягиваю с плеч рюкзак, открываю передний карман и достаю две пачки специально подготовленных спасательных средств.

– Выйди отсюда, – произносит Елисей с трескучей злобой, точно сухие ветки в пылающем костре.

Вот и первый словесный контакт. Как я и думала, приятного мало, но все идет по плану, а это уже хорошо. Елисей ставит рюкзак на раковину и тяжело вздыхает, опустив голову. Напрягает руки, сжимая плащевую ткань в кулаках. Темная газировка стекает по его штанинам и капает на плитку. Мокрое пятно не особо выделяется, Елисею повезло, что он не в синих джинсах, а в черных брюках.

«Ты должна искренне раскаиваться. Если получится, можешь даже заплакать», – звучит в мыслях голос Кати.

Слез точно не будет, разве что от смеха. Волнение и адреналин смешиваются во взрывной щекочущий коктейль, так и подначивая рассмеяться. Нужно подумать о чем-то печальном. Котята под дождем, рыбка в закрытом целлофановом пакете, Адриан и Маринетт¹. Последняя мысль ввергает в уныние, и я тихо выдавливаю:

– Чем я могу помочь? Давай попытаемся это высуши...

Елисей поворачивается, его взгляд скрывают темные пряди, но для этой силы нет преград. Ярость струится огненными нитями и хлещет меня по щекам и шее, оставляя горячие отметины.

¹ Герои французского мультсериала «Леди Баг и Супер-Кот». (Прим. автора.)

– Прости, – приглушенно произношу я и кладу салфетки на раковину. – Я правда не...

– Купи мне штаны.

– Что?

– Ты же помочь хотела? Иди и купи мне новые штаны.

А домик на берегу океана ему не построить? Сейчас метнусь на Мальдивы и все организую.

– Но я...

– Нет? Тогда выйди отсюда, – бьет он словами наотмашь. Закидываю лямку рюкзака на плечо и качаю головой:

– Я просто...

– Хочешь посмотреть, как я переодеваюсь?

Его фразы слишком резкие, чтобы вести диалог наравне. Судорожно пытаюсь вспомнить все Катины наставления и поймать контроль над ситуацией. Быть оленем в свете фар и одновременно тигрицей, мягкой, но в тот же момент дерзкой. Попробуем. Делаю шаг назад и складываю руки на груди, принимая уверенную стойку:

– Да!

Заявление отражается от холодных стен и бумерангом врежется в голову. А что он вообще спросил? Черт!

– То есть я... Нет. Я не это имела в виду, – бормочу сбивчиво. – Я чувствую себя ужасно из-за того, что...

– Родилась криворукой овцой?

– Да, что родилась криворукой... – Спазм сжимает горло и падает на дно живота, а подбородок взлетает вверх. – Что?!

Нет! Ты меня овцой назвал?!

– Выбрал самое приличное определение.

Елисей все сверлит меня тяжелым взглядом, я почти слышу жужжащий звук дрели. Ладно, его можно понять. Если бы подобное случилось со мной, то виновник точно услышал бы куда больше, чем сравнение с домашними парнокопытными животными.

«После вспышек гнева и приступов силы ты должна становиться ранимой и чувствительной».

Чушь полная, но инструкциями нельзя пренебрегать. Опускаю голову и закусываю нижнюю губу, нарочно сжимая зубы так сильно, чтобы проступили слезы:

– Прости меня. Мне очень жаль, честно.

– Прощу, если ты уже наконец выйдешь отсюда и дашь мне спокойно переодеться.

Радостно вздрагиваю и поднимаю голову:

– У тебя есть запасная одежда?! Как повезло!

Елисей кривится и отворачивается. Неужели переигрываю? Убери дурацкую челку с глаз, я не понимаю твоей реакции! Елисей хватает язычок молнии, расстегивает рюкзак и отвечает без особого желания:

– На твое счастье, да, поэтому, закрой дверь с другой стороны.

– Хо...

– И рот, пожалуйста.

Знай я заранее о формате разговора, то взяла бы пепси

размера «XXL» и вылила Елисею на голову. Тянусь за салфетками, чтобы забрать их. Раз уж он отказывается от помощи, то пусть купается под краном. Газировка сладкая, вот бы у него там все слиплось.

– Это оставь, – грохочет приказ генерала.

– А где волшебное слово?

– Десять косарей за испорченные джинсы. Достаточно magically?

– Достаточно, мистер Крабс, – бросаю я и вылетаю за дверь, пока не наговорила глупостей.

Отхожу к противоположной стене и принимаюсь ждать. Фаза еще не завершена, остался финальный штрих, который лично у меня вызывает множество вопросов, но командир решил, значит, действуем.

Проходит около десяти минут, за которые я успеваю взять себя в руки и вспомнить все важные правила поведения книжной героини, прежде чем Елисей появляется в коридоре. На нем широкие спортивные штаны и футболка с известным логотипом в виде галочки. Все, как и предсказывала Катя. У «Д» класса сегодня вторым уроком стояла физкультура, и шансы на то, что Елисей носит форму с собой, были велики. Хотя, больше чем уверена, что и без этого элемента план Кати остался бы прежним, не ей же стоять на линии огня.

Делаю шаг вперед, готовясь пресечь очередной побег:

– Хочешь, я постираю твои вещи в качестве?..

– В качестве извинений можешь изолировать себя от общества лет так на сто, – холодно отвечает Елисей, а после ядовито усмехается: – Помощница.

Открываю рот, забыв все приличные слова. Елисей проходит мимо, и его недавняя ярость просыпается во мне. Обращиваюсь и, не обращая внимания на людей вокруг, кричу ему в спину:

– Хамло!

Елисей сгибает руку в локте, касается указательным и средним пальцем виска, сложив остальные вместе, и отбрасывает кисть в сторону, скрываясь за поворотом. Он отсалютовал мне на прощание? Или это был выстрел в голову?

Втягиваю носом душный воздух и расслабленно выдыхаю. Что ж, миссия выполнена, потерь почти нет. Оглядываюсь и понимаю, что на меня таращатся несколько парней. Натянуто улыбаюсь и отступаю от двери в мужскую уборную:

– Тут свободно, проходите.

Какой кошмар, они смотрят на меня как на сумасшедшую. Собственно, именно так я себя и чувствую.

Катя ждет меня на улице у северного входа в торговый центр, что-то усердно набирая на маленькой клавиатуре телефона. Прохожу через вращающуюся дверь из толстого стекла и с удовольствием делаю глоток свежего, успокаивающего воздуха. Подруга вскидывает голову и встревоженно спрашивает:

– Ну что? Как прошло?

– В целом... – Перевариваю последние двадцать минут своей жизни и киваю. – По плану. Ты была права, Елисей подходит идеально. Козлина, каких поискать.

Беру подругу под руку, и мы вместе шагаем к высаженной липами аллее. Хорошие агенты никогда не задерживаются в месте операции.

– А теперь давай в подробностях, я должна все законспектировать.

Пересказываю Кате все, что случилось, по ролям. Персонаж Елисея получается у меня лучше, чем мой собственный. Катя смеется до слез, и я вместе с ней. Вообще-то, много ума не надо, чтобы вести себя как булжик с глазками и острыми краями.

– Ты ведь не сказала ему свое имя?

– Конечно, нет! Кать, я все помню. Первая встреча без имен, чтобы образ таинственной незнакомки закрепился туманом увлеченности на подкорке, – цитирую ее слова, а после добавляю немного от себя: – И чтобы он не мог сдать меня в полицию.

– Он отдал тебе одежду?

– Если бы я была терминатором, то, наверное, отдал бы, но я просто девчонка. У меня даже пушки нормальной нет, поэтому... – развожу руками.

– Странно, а в манге всегда срабатывает. Это могло обеспечить вам дополнительную встречу, но уже не такую напря-

женную.

– Кстати, насчет напряжения... Все так, как ты и хотела. Он меня ненавидит, и я его, кажется, тоже. Эксперимент будет чист по всем пунктам.

– Прямо-таки ненавидишь? – не стесняясь показать сомнения, спрашивает Катя.

– Он ужасно себя вел. Отвратительно!

– Ты облила его газировкой!

– И что? Он ведь не знает, что я сделала это специально. Я раскаивалась, хотела помочь. Ты бы видела, как он на меня смотрел! – гневно пыхчу я.

– Но смотрел же. Первый раз в жизни.

Смех, больше похожий на хныканье, слетает с губ, и я прикладываю ладони к разгоряченным щекам.

– Лан, тебе хоть весело было? Только честно.

Солнечные лучи пробиваются сквозь пышные кроны деревьев, ветер приносит аромат прохлады и засыпающей природы, но на душе тепло и светло. Еще раз прокручиваю в голове первый шаг, щеки сводит.

– Вообще-то да. Очень! – признаюсь я.

– Значит, пора продумать следующий шаг, – говорит Катя и устремляет хитрый взгляд вдаль.

Глава 3

Стекло холодит ладонь, стискиваю зубы и выбрасываю пустую бутылку в мусорный пакет. Короткий звон разносится по кухне, когда одна бутылка ударяется о другую. С трудом сдерживаю ругань и принимаюсь за уборку. Сметаю засохшие крошки со стола, мою гору грязной посуды и освобождаю холодильник от испортившихся продуктов. К куриному супу отец даже не притронулся, а ведь это его любимый. Мама всегда... Резко закрываю крышку кастрюли, пересиливая приступ тошноты из-за кислого запаха, смешавшегося с алкогольными парами и сигаретным дымом. Подбегаю к окну и распахиваю форточку, глубоко вдыхая. На глаза наворачиваются слезы разочарования, и я сквозь пелену осматриваю маленькую комнату. Старая дешевая мебель, дребезжащий, как трактор, доисторический холодильник и маленький пузатый телевизор на полке, покрытый слоем пыли. Почему все сложилось именно так? Как я могу все исправить? Наведение порядка вряд ли поможет, но это пока все, что мне под силу.

Через пару часов оглядываю фронт проделанной работы. Стало чище, но никак не лучше. И так каждый раз. Ничего даже отдаленно напоминающего дом, кроме моей детской фотографии на стеллаже в гостиной. Беру рамку в руки и смотрю на изображение маленькой девочки с красным но-

сом и большими зелено-карими глазами, в которых видны признаки недавних слез. Я хорошо помню тот день, третье сентября, первый класс. Мне не понравилась школа, и почти неделю я умоляла родителей не приводить меня туда. Я хотела быть дома вместе с ними, чтобы мама читала со мной книги, а папа заваривал и приносил нам липовый чай с малиновым вареньем. Я не понимала, зачем мне что-то еще, ведь я и так счастлива. И казалось, что они тоже.

Хлопок входной двери прогоняет воспоминания, слышится шелест тонкого целлофана. Медленно выхожу в коридор, боясь поднять взгляд, но все-таки делаю это. Папа поворачивает защелку, сжимая в руке два белых пакета. Очертание нескольких бутылок и характерный звон говорят сами за себя.

– Привет, солнышко. Ты уже дома?

Нет, я в параллельной Вселенной, которая, словно издеваясь, забирает именно то, что было таким родным и важным.

– Привет, – отзываюсь глухо, привалившись плечом к стене. – Да, уроки закончились три часа назад.

Он кивает и снимает грязные кожаные туфли, безжалостно наступая на пятки. Его волосы взлохмачены, лицо опухшее, а кожа вокруг рта шелушится, собираясь белыми катышками. С болью в сердце признаюсь себе, что мне совершенно не нравится этот человек. И дело не только в его внешнем виде, а в том, что это не он, не мой папа, которым я всегда восхищалась.

– Как дела в школе? – спрашивает он, шагая на кухню. – Все хорошо?

Следую за ним по пятам, удары сердца становятся все тише.

– Да, все отлично. Учителя больше озабочены одиннадцатиклассниками, поэтому нас не загружают.

– Это хорошо, – отвечает папа и ставит пакеты на стол.

Целлофан сползает, открывая горлышко бутылки с золотой пробкой, и я поджимаю губы. Папа замечает мой взгляд и шагает вперед, загораживая покупки спиной. Он тяжело вздыхает, снимает очки в тонкой черной оправе и растирает пальцами и без того красные глаза:

– Лана, это все временно. Сейчас сложный период, но я обещаю, что скоро...

– ...все наладится, – заканчиваю фразу, которую слышу уже три месяца. – Я знаю.

– Если ты хочешь поехать к маме, я пойму.

Единственное, чего мне хочется, так это закричать что есть сил: возьми себя в руки! Опускаю голову, кровь приливает к голове и пульсирует в висках:

– Я сделала овощную запеканку из замороженной смеси, она в духовке.

– Поужинаем вместе?

Мне бы очень этого хотелось, но не уверена, что вынесу еще хоть минуту.

– Я не голодна. Пойду вынесу мусор и сяду за уроки.

– Я мог бы и сам...

– Нет, – отрезаю я и хватаю наполовину заполненный черный мешок, – я все равно собиралась немного прогуляться.

– Тебе нужны деньги? На карманные расходы или?..

Поворачиваю голову и вымученно улыбаюсь:

– У меня все есть, не волнуйся. Поешь, пожалуйста, и отнеси свои грязные вещи в корзину, вечером запущу стирку.

– Солнышко, ты не должна...

Не хочу ничего слушать, поэтому разворачиваюсь и как можно скорее бегу в коридор. Запрыгиваю в старые кеды и распахиваю дверь, выскакиваю на лестничную клетку и спускаюсь, считая ступени. Сорок два, сорок один, сорок...

В наушниках звучит саундтрек к фильму «Интерстеллар», который папа смотрел бесчисленное количество раз. Слов нет, но есть эмоция, и не одна. Каждый раз, слушая этот трек, я чувствую что-то новое. Сегодня, например, полет в огромном пузыре в темной морской глубине. Неизвестность пугает, а неотвратимость вгоняет в печаль. Как же тяжело контролировать жизнь, а иногда и вовсе невозможно. Смотрю на закрытую дверь комнаты – белая поцарапанная поверхность подсвечена желтым светом новогодней гирлянды. Я пыталась создать подобие уюта в чужом и неприятном пространстве, но вышло, если честно, убого. За окном обволакивающая темнота, в руках телефон, на экране которого светится значок загрузки мобильной игры. Приложение запускается,

и не проходит трех минут, как в правом углу появляется значок о новом сообщении в личный чат.

*Ребуська: «Наконец-то! *смайлики в виде взрывов*»*

Ребуська: «Я уже начала волноваться. Ты хоть бы предупредила, что пропадешь так надолго. Наша команда вылетела из топа!»

*Тоби: «Простишиш... *рыдающие смайлики* Столько дел навалилось, совсем не было времени»*

*Ребуська: «Хочешь сказать, что начала спать по ночам? Я исключаю тебя из нашего клана *смайлик нож*»*

*Тоби: «Значит, мне придется вступить в команду Гора *смайлик с хитрой улыбочкой*»*

Ребуська: «Только попробуй! Выбирай оружие, и погнали, вурдалаки ждут!»

Игра ненадолго отрывает от реальности. Сказочный мир, героиня с катаной в руках, и десятки врагов, разлетающихся в стороны. Время исчезает, музыка в наушниках заглушает мысли. Отыгрываем вместе с компаньонкой шесть партий, набирая очки в рейтинге, а после возвращаемся в переписку.

*Ребуська: «Отличная катка! *смайлик в черных очках*»*

Тоби: «Я прощена?»

Ребуська: «Мне надо подумать...»

*Тоби: «Бусь, ну прости. Обещаю, что большие не буду исчезать *смайлик с жалостливым взглядом*»*

*Ребуська: «Да я же шучу! Такие неудачницы, как я, не разбрасываются друзьями *сердечко* И я знаю, что тебе сей-*

час непросто. Как ты? Как отец?»

Тоби: «Ты не неудачница!»

Ребуська: «Это уже решенный вопрос, не увиливай от темы. Как дела дома?»

Бегло набираю лживое «все в порядке», фраза висит в окошке отправки и жжет глаза. Стираю сообщение и пишу правду. В конце концов, Буся единственная, с кем можно поговорить начистоту, потому что я не увижу ее жалости или осуждения. В этом главный плюс интернет-друзей.

Тоби: «Если честно, все плохо. У папы осталась всего неделя отпуска, а он все не просыхает»

Ребуська: «Может, стоит задуматься о переезде к маме?»

Тоби: «И оставить его одного? Мама в порядке, живет полной жизнью, а вот папа... Ему тяжело, он скучает, поэтому я нужна здесь, как напоминание о том, что у него все еще есть семья»

Ребуська: «Тоб, я понимаю, но не взваливай на себя всю ответственность. У нас есть не так много времени, чтобы побыть детьми»

Тоби: «В любом случае, я не хочу уезжать и менять школу»

*Ребуська: «Просто признайся, что это все из-за того симпатичного парня, который помог нам выиграть битву за замок*смайлик с хитрой улыбочкой*»*

Тоби: «Симпатичного? Ты ведь даже не знаешь, как он

выглядит*смеющийся до слез смайлик*»

Ребуська: «Он пишет с жуткими ошибками и без знаков препинания! Он сто процентов красавчик!»

Тоби: «Интересная теория, расскажу ее подруге, она оценит. И, если тебе так любопытно, то мы с Лордом Северным просто друзья. Точнее, старые и не особо поддерживающие связь знакомые, которым приходилось проводить в детстве слишком много времени вместе, пока их мамы обсуждали последние сплетни*смайлик закатывающий глаза*»

Ребуська: «Но ведь он тебе нравится*сердечко*»

Тоби: «Это в прошлом. У нас все равно ничего бы не вышло»

Ребуська: «Значит, есть кто-то еще?»

Тоби: «С чего ты взяла? Если верить твоей теории, то я страшная зубрилка, раз пишу без ошибок, а значит, никакой личной жизни, пока не стукнет восемнадцать и клиники пластической хирургии не откроют для меня свои двери»

Ребуська: «Перед „пока“ запятая, следовательно, ты богиня красоты*улыбочка*»

Тоби: «Ладно, ты меня раскусила. Я прекрасна, как Кендалл Дженнер, но это не помогает мне завоевывать сердца»

Ребуська: «Значит, все еще впереди*подмигивающий смайлик* Тоб, сорян, но мне уже пора. Мама грозитя выбросить роутер в окно, если я не уберу телефон. Спокойной ночи*золотое сердце*»

*Тоби: «Спокойно ночи, Буся. И спасибо*красное сердце*»*

Сворачиваю диалог и просматриваю историю переписок. Ник «Лорд Северный» находится в самом низу и светится зеленым, а это значит, Сева в Сети. Все еще играет по ночам, как и раньше. Мы не общались с прошлой весны, и будет странно, если я напишу ему посреди ночи глупое «Привет. Как дела?». Нажимаю на кнопку блокировки, экран гаснет. Желтые лампочки гирлянды медленно мигают, а сердце сжимает холодная ладонь тоски. С одной стороны, я скучаю по нашим веселым перепискам, а с другой... Сева очень изменился за последние пару лет, это уже не тот милый мальчик, который с удовольствием листал вместе со мной комиксы и делился кислыми мармеладками. Помню, как мы случайно встретились в начале лета, он был в компании друзей, а я гуляла по старому району, не желая смотреть на то, как мама собирает вещи. Сева тогда сделал вид, что мы незнакомы. Вот так люди и вычеркивают тебя из жизни. Мама сделала это с папой, а Сева со мной. Наверное, у них были причины. Наверное, им так лучше. А значит, нет ничего вернее, чем отпускать тех, кто не хочет быть рядом.

– Фух! – шумно выдыхает Катя и кладет передо мной на парту раскрытый блокнот. – План второго шага окончен. Все ниточки сведены, сюрпризов быть не должно. С последней встречи прошло шесть дней, Елисей уже должен был остыть.

– Ты можешь говорить тише? – Я прикрываю блокнот ру-

кой, чтобы ни один из любопытных носов одноклассников не смог в него залезть. – И называй его – объект.

– Ты какая-то нервная, – серьезно говорит Катя, – все в порядке?

– Да, просто не выспалась, – отвечаю я спокойнее и внимательно читаю новый план, расписанный по пунктам. – Кать, у меня только один вопрос...

Рядом с блокнотом падает тетрадь в черно-белую полоску. Поднимаю голову, и Катя игриво подергивает бровями. Открываю новенькую тетрадь, страницы в клетку пусты.

– Она такая же, как у него? – уточняю я.

– Да, – гордо отвечает Катя. – В прошлую пятницу я специально не сдала свою тетрадь на биологии и пришла в конце дня, чтобы влезть в шкаф Евгении Викторовны.

– Но как ты?..

– Поиск по картинке. Сфоткала и нашла магазин, где ее можно купить.

– Все это, конечно, хорошо, но...

– Ты снова во мне сомневаешься?

Не в ней. После шоу в кинотеатре, по указке Кати, я избежала Елисея в школе. Это было нетрудно, ведь мы знаем все его обычные маршруты и расписание, но один раз я все-таки прокололась. Меня отправили за журналом на геометрии, и мы с Елисеем столкнулись в пустом коридоре. Я сделала все по правилам, посмотрела на него с сожалением и опустила голову, а он... развернулся и пошел в обратную сторону!

– Не слишком ли это рискованно, Катя? Что, если он не поверит и психанет?

– Кто не рискует, тот не целуется с красавчиками.

– По-моему, эта поговорка звучит иначе.

– Я писатель, я так вижу, – ухмыляется Катя. – Лана, брось, все получится. Евгения Викторовна пользуется своей системой в каждом классе. Уроки проводит устно, а конспекты по параграфам учебника задает домой. У всех нас есть отдельные тетради, и мы приносим их в пятницу на проверку, так?

Киваю, перебирая пальцами тонкие листы.

– Тетради лежат в шкафу в кабинете биологии, и обычно мы забираем их после выходных самостоятельно в конце урока, ведь во время занятия Евгения Викторовна не разрешает ими пользоваться. То есть каждый хватает свою, запикивает в портфель, и все. Нам ведь даже оценки за конспекты не ставят, только галочки, значит, и внутрь заглядывать необязательно. Вот ты на что смотришь: на подпись или обложку?

– Ну-у-у... на обложку. Все мои тетради со звездами, поэтому...

– Вот именно, схватила и пошла! Я все проверила, тетрадь объекта подписана с внутренней стороны, то есть вероятность того, что он ее даже не откроет, гигантская.

– Вероятность должна быть в процентах.

– Не нуди, – отмахивается Катя. – У нас биология во втор-

ник третьим уроком, у объекта тоже, но шестым. Если мы поменяем ваши тетради, то объект заметит это тогда, когда его тетрадь будет уже у тебя, или не заметит вовсе. Ничего подозрительного: стопки перепутались, и ты взяла случайно не свою тетрадь. С кем не бывает? В этот же день у объекта курсы по информатике, на них он ходит без Вити и Ромы, а это значит, вы сможете поболтать наедине.

– Звучит и правда неплохо. – В душе загорается азартный огонек. – Как ты вообще до этого додумалась?

– Мне помогали вдохновение, смекалка и наставник по прокачке внутреннего творца, – радостно отвечает Катя. – А теперь садись переписывать конспекты, я их для тебя уже сфоткала. И старайся, пожалуйста. Если объект откроет твою тетрадь, то должен увидеть красивый почерк, а не наскальную живопись.

– Вообще-то у нас сейчас «ОБЖ». Я не могу пропустить подробный разбор инструкций по поведению в чрезвычайных ситуациях.

– Что бы ни случилось, становись в дверной проем и звони в службу спасения.

– А если укусила змея?

– Укуси ее в ответ. Пусть знает, каково это.

Я на позиции, настрой боевой, решимость на максимуме. Пришло время шага номер два. Выглядываю из-за угла, к двери кабинета информатики лениво подтягиваются один-

надцатиклассники, но Елисея пока не видно. Достая из кармана телефон и в черном экране рассматриваю свое отражение. Скорее бы уже перейти к пятому шагу, я скучаю по привычному макияжу. Мне удалось отвоевать у Кати только консилер, румяна и тушь для бровей. Может, Елисей поэтому от меня и шарахается? Кто захочет общаться с домовенком? А тем более влюбляться в него!

«Он должен видеть в тебе индивидуальность, а не километровые стрелки».

Но что, если стрелки – часть моей индивидуальности? Какая вообще разница: с макияжем или без? Как можно судить человека только по внешности? В мире существуют сотни серийных маньяков приятной наружности и столько же неказистых гениев и альтруистов. Внешняя оболочка ничего не значит, если внутреннее наполнение отсутствует или сгнило до последней частички души. Но план есть план, и если в книгах героини не красятся, то я, так уж и быть, отыграю эту роль, как положено.

Мобильник оживает, но имя на дисплее быстро остужает пыл. Отклоняю входящий вызов от мамы функцией ответа сообщением «перезвоню позже». Вспоминаю утреннюю сцену: невнятное бормотание папы закладывает уши. Это все из-за нее. Он никогда не был таким, а теперь...

Сообщение ударяет вибрацией в пальцы, пробегаю взглядом по короткой фразе:

Командир Карпова: «Готовность пять секунд»

Избавляюсь от посторонних мыслей и считаю про себя. Один, два, три... Выхожу из-за поворота, и в этот же момент в коридор входит Елисей. Голова опущена, руки в карманах темных брюк, которые, по всей видимости, благополучно отстирались. Десять косарей, десять косарей... Немного «До-си» и «Ласки», и проблем нет.

– Эй! – окликаю его я, пристраиваясь рядом.

Елисей упрямо делает вид, что оглох, и шагает дальше, набирая скорость. Тянусь к его предплечью, чтобы задержать, и едва мои пальцы касаются гладкой ткани рубашки, Елисей отдергивает руку так резко, будто его только что обожгли. Сжимаюсь под натиском гневного напряжения, испуганно глядя в потемневшие глаза сквозь пряди упавшей на лицо челки.

– Извини, – тихо выдавливаю я и выставляю открытые ладони перед собой. – Я всего лишь хочу вернуть тебе тетрадь и забрать свою.

– Ты что-то перепутала, – бросает он и возобновляет движение.

«В этот раз ты должна быть дружелюбной и растерянной. Можешь пошутить и сказать о том, как все глупо вышло. И улыбайся! Только не переборщи, скромно и сдержанно, будто он тебя немного пугает, но не настолько, чтобы перестать быть милашкой», – слышу в мыслях наставления Кати.

– У тебя сегодня была биология? – стреляю вопросом

Елисею в спину и как можно скорее достаю из рюкзака вещественное доказательство.

Он замирает и нехотя оборачивается:

– Моя тетрадь у меня.

– Да? Тогда открой ее, потому что я более чем уверена, что меня зовут не... – опускаю взгляд и зачитываю подпись на внутренней стороне обложки: – Елисей Ли.

Он сбрасывает с плеча рюкзак, ныряет в карман и достает тетрадь с конспектами, которые я переписывала вчера целых три часа. Раскрывает ее и перелистывает страницы. Его длинная челка вновь служит защитой, как же хочется подойти и убрать волосы с его лица. Отрастил занавески, теперь ходи и гадай, что у него на уме. Пользуясь короткой заминкой, подбираюсь ближе и тарабаню заготовленную речь:

– Одноклассники свалили несколько стопок в шкафу Евгении Викторовны. Кто же знал, что у нас с тобой тетради с одинаковыми обложками? Я не сразу заметила, что взяла чужую. Так глупо все вышло.

– Глупость – твое второе имя.

Задерживаю дыхание, не выпуская наружу несколько неприличных вторых имен для него. Быть милой и веселой, да, Катя? Как?!

– Мог бы сказать спасибо за то, что я решила ее вернуть, а не сделала домик для морской свинки.

– Могла бы вернуть ее в кабинет биологии.

– Как раз собиралась, но увидела тебя и...

– Ладно, – отрезает он. – Давай сюда.

Нет, слишком быстро, дружок. Не на той ноте закончили. Как рассмешить камень, никто не знает? Отвожу руку с тетрадью назад, прижимая ее к плечу.

– Предлагаю одновременный обмен заложниками, я тебе не доверяю, – с улыбкой говорю я.

Внимательно смотрю на губы Елисея, чтобы заметить хоть какой-то проблеск веселья, но все впустую. Он молчит, а по ощущениям громко шлет меня куда подальше. Боевой настрой прячется в стыках напольной плитки, оставляя лишь раздражение, которое говорит вместо меня:

– Боже, да я просто пытаюсь разрядить обстановку! У тебя такой вид, будто ты готовишься к войне миров! За ситуацию в кино я уже сто раз извинилась, а это... – трясущая тетрадь, – случайность!

Елисей склоняет голову, сохраняя напряженное молчание. Отсутствие его реакции так злит, что я перестаю себя контролировать и забываю о правилах.

– Какой же ты... – говорю я, скривившись. – Знаешь, если я могла бы вернуться в прошлое, то еще и ведро попкорна тебе на голову вывернула. И мне плевать, генерал ты, король или еще черт знает кто! Это не дает тебе права ставить себя выше других!

– Закончила? – спокойно спрашивает Елисей.

– Да! – Впечатываю тетрадь ему в грудь.

Он ловит ее, придерживая ладонью, и выдыхает грозно:

– Не делай так больше.

Тянусь за своей тетрадью, но Елисей отводит руку в сторону.

– Верни! Иначе я подкараулю тебя где-нибудь с двухлитровой бутылкой газировки и устрою шипящий душ.

– Ты меня слышала?

– Ой, только не надо меня пугать, ладно? Думаешь, стал генералом и сразу... – замолкаю, прикрывая глаза, и проглатываю желчь, которая появилась совсем не из-за Елисея.

«Милая. Веселая. Нежная».

И все это не обо мне. Слишком занесло.

– Слушай... – вздыхаю я, – прости, у меня был дурацкий день. Много дурацких дней, если честно. Я не хотела тебя...

– Держи, – говорит Елисей, протягивая мою тетрадь.

Черт! Кажется, я все испортила. Забираю несчастную тетрадку и представляю, с каким разочарованием на меня будет смотреть Катя, слушая доклад. Пospешно разворачиваюсь, чтобы трусливо сбежать с поля боя, где потерпела оглушительное поражение, и делаю пару шагов к лестнице, как вдруг слышу громкое и пронзительное:

– Света!

Оглядываюсь, прижимая подбородок к плечу.

– Все зовут меня Лана, – привычно поправляю я.

– Кабинет психолога в другой стороне... – Елисей приподнимает уголки бледно-розовых губ и добавляет: – Лана.

Он опускает голову и скрывается за дверью кабинета ин-

форматики. Ошарашенно хлопаю ресницами, прежде чем сдвинуться с места. Мне показалось? Всего на мгновение, на долю секунды, но он... улыбнулся? Может быть, я не совсем проиграла, просто противник достаточно силен? Мне срочно нужно мнение специалиста.

Катя вручает мне большую чашку кофе со сливками и хватает пару шоколадных конфет из корзинки, стоящей посередине кухонного стола.

– Идем, – говорит она, кивая на дверь.

– Может, лучше на кухне посидим?

– Не парься, Лана, мама до шести на работе.

– И все равно не стоит рисковать. Я не хочу получить новый запрет на посещение вашей квартиры.

Подруга садится на соседний стул и усмехается:

– Иногда мне кажется, что ты боишься ее больше, чем я.

– Ты ее боишься? – удивленно спрашиваю я. – Она тебя?..

Катя ставит чашку на стол, проигнорировав пробковый подстаканник, и разворачивает конфету:

– Знаешь, я все чаще думаю о том, что лучше бы она и правда меня лупила, чем мучила нотациями.

– Не говори так.

– Почему? Мы с ней совершенно полярные, но она все пытается вылепить из меня маленькую копию себя, а я этого не хочу. Не хочу, понимаешь? Мне не нравится эта стерильная чистота, не нравится брокколи и документальные филь-

мы. Я другая! Неужели это так плохо?

– Конечно, нет. Уверена, со временем...

– Она поймет? – иронично хмыкает Катя. – Этого никогда не случится, разве что с неба спустится сам Создатель и скажет, что она не права. Я уже морально готовлюсь к тому, что перестану общаться с родителями, когда мне исполнится восемнадцать.

– Ты пробовала говорить с ней, объяснить?

– Думаешь, она слушает? Да если бы отец не откупался от меня книгами, я уже давно вышла бы во двор через балкон. Все говорят, что родители хотят, как лучше, но никто не уточняет, что они хотят этого для себя, а не для тебя.

Вспоминаю о пропущенном звонке матери и тянусь за конфетой:

– Люди – эгоисты. В первую очередь мы все живем для себя.

– Вот именно! И я хочу, чтобы у меня было хоть немного личного пространства. Творческий беспорядок в комнате, десять кружек из-под чая на столе. Клянусь, когда я перееду, то буду есть китайскую лапшу пальцами, сидя прямо в постели.

– Это уже за гранью, – хихикаю я.

– Это – моя мечта. Ну и еще написать бестселлер, конечно. Давай рассказывай, как все прошло с Елисеем?

Кружки пустеют, на столе появляется горка фантиков. Смакую остатки сладкого кофе и молочного шоколада и

смотрю на Катю, витающую в своих мыслях после моего доклада.

– Эксперимент провален? – с сожалением спрашиваю я.

– Даже и близко нет, – говорит она и поднимается. – За мной, агент Гришковец.

Перебираемся в ее комнату, я сажусь в крутящееся компьютерное кресло, а Катя запрыгивает на кровать и тянется к книжным полкам. Она проводит пальцами по корешкам и берет несколько книг, садится по-турецки и раскладывает их перед собой.

– Кать, он пуленепробиваемый, – говорю я и отталкиваюсь ногами от пола, раскручивая стул.

– У нас есть танковые пушки, но для них еще не время, – с непоколебимой решительностью отвечает она. – Это всего лишь второй шаг, дальше больше. Ты ведь сказала, что он тебе улыбнулся, а это...

– Я не уверена. Он, скорее, посмеялся надо мной, а еще отправил к психологу. Он считает меня ненормальной!

– Это неудивительно.

– Вот спасибо!

– Лана, ты вызываешь у него эмоции, и это уже половина победы. Эмоции – залог симпатии. Как думаешь, работает принцип от ненависти до любви?

– Понятия не имею. Ты же у нас эксперт в любви, а не я.

– Изначально нужен крючок, за который могут зацепиться мысли о тебе, и ненависть – один из них. Это уже почти

любовь, такая же сильная встряска, которая заставляет тебя думать о человеке, говорить с ним, касаться его...

– Кулаком?

– Поубавь скепсис и послушай. Если повернуть выключатель и вставить в череду негативных эмоций одну позитивную, она повлияет на все. Показатели не изменятся, останутся так же высоки, но изменятся чувства. Я читала об этом сто раз, как один разговор переворачивал привычный мир, как один поцелуй превращал врагов в пару. Это зернышко прорастает долго, но из него получаются прекрасные цветы. Есть, конечно, замечательные истории о любви с первого взгляда, где герои преодолевают множество препятствий, чтобы остаться вместе, но в жизни такое не подстроишь. Мы ведь не боги. А вот постепенное развитие влюбленности – запросто!

– То есть мы не сдаемся?

– А ты этого хочешь?

Неуверенно пожимаю плечами, не находясь с ответом. Катя заглядывает в мобильник и пару раз бьет пальцем по экрану, а после кладет его обратно на кровать. Поднимает голову и долго смотрит мне в глаза, прежде чем задать следующий вопрос:

– Скажи, что ты сейчас думаешь о Елисее?

– А это обязательно?

– Мы должны отслеживать и твои изменения тоже, в этом суть эксперимента.

Поворачиваюсь к подруге спиной, за тонкими занавесками без единой складки виднеется синее небо. Размышляю пару мгновений и отвечаю максимально честно:

– Меня раздражает его напыщенная надменность и отчужденность. Словно ему плевать на все, словно он считает себя самым крутым, а все остальные просто мелкие мушки, от которых он брезгливо отмахивается. Он, не задумываясь, бросает острые обидные фразы, и я не понимаю, как с ним вообще кто-то может общаться. А еще его челка... Это же просто кошмар!

– Чем же тогда он нравился тебе все это время? Ты сейчас не сказала ничего нового.

– Наблюдать со стороны всегда легко. Пока мы не столкнулись лично, он казался просто загадочным и немного мрачным. И он мне не нравился в прямом смысле, но был интересен. Как образ, как персонаж.

– Ты считаешь его красивым?

– Больше да, чем нет. Худые и высокие в моем вкусе.

– А лицо?

– А что с ним? Лицо как лицо. Прыщей нет, уже плюс.

– Что насчет глаз?

– Намекаешь на его национальность?

– Да.

– Никогда не придавала этому значения.

– Кстати, ты не знаешь, кто он именно?

– Нет. Скорее всего, в нем смесь, и это может быть все,

что угодно, от казаха до японца.

– А как с чувствами, Лана? Как ты себя ощущаешь рядом с ним?

– Честно? Глупо. Как будто стучусь лбом в бетонную стену.

– Это все?

Растираю нос пальцами, ощутив щекотание призрачных снежинок. Я бы ни за что не запомнила тот день, если бы не свалилась на целую неделю с жуткой ангиной после детской снежной войны. Это был он, я точно знаю. Высокая женщина в длинном пальто громко выкрикивала: «Елисей! Елисей!» Прошло уже пять лет, но что могло так сильно его изменить? Почему Елисей больше не улыбается так, как тогда? Что случилось с тем пухлым и задорным мальчишкой?

– Все, – тихо отвечаю я и разворачиваюсь на стуле.

Книги перед Катей раскрыты, и она водит пальцем по строчкам, перескакивая с одной на другую.

– Нам нужно продумать третий шаг, – бормочет она. – Репетиторство? Не то. Общий урок? У нас такое не прокатит. День рождения брата? Лана, у тебя есть брат?

– Насколько я знаю, нет, но даже если и был бы... чем бы он помог? В близкий круг Елисея так просто не пробиться.

– Тоже верно. Может, тебе подружиться с Вероникой?

– Предлагаешь мне еще и ее завоевывать?

Катя поднимает одну из книг и листает страницы:

– Нам нужна встреча вне школы и без его друзей. Что-то

неожиданное. Жаль, что он ничем не увлекается.

– Почему же? Он отлично портит людям великие открытия.

– Это мы еще посмотрим. – Катя откладывает книгу и берет в руки телефон. – Торговый центр, рынок, парк, ветеринарная клиника, балетная студия. Не хочешь заняться балетом?

– Это ты к чему?

– К тому, что единственный вариант выпепить Елисея одного после школы – это прокатиться с ним в одном автобусе до дома. И для этого тебе нужно правдоподобное прикрытие.

– Что-то я не уверена...

– Ты ни в одном из моих планов не была уверена, но... получилось же! Доставай блокнот, сейчас все распишем.

Глава 4

Солнце печет макушку сквозь стеклянную крышу автобусной остановки, открываю бутылку минералки и делаю несколько живительных глотков. Пришлось снова прогулять последний урок и пройти пару кварталов, чтобы сесть в автобус раньше Елисея. И чего только не сделаешь ради великих открытий. Стягиваю с плеч джинсовую куртку. Легкий ветерок ласкает щеки. Лето, кажется, никак не хочет уходить даже в начале октября, но я не против. Все лучше, чем дожди и серое небо.

Проверяю время на телефоне, десять минут до конца шестого урока, двадцать пять до начала третьего шага. Я готова на все сто, но от Елисея можно ожидать чего угодно. Он за просто может выйти из автобуса на ближайшей остановке и дожидаться другого, только чтобы оказаться подальше от сумасшедших вроде меня.

Принимаюсь прокручивать план, чтобы не сойти с пути, как в прошлый раз, но поток мыслей прерывает телефонный звонок, и в этот момент даже солнце прячется за облаками. Больше нельзя ее игнорировать, придется ответить. Провожу пальцем по экрану и прижимаю телефон к уху:

– Привет, мам.

– Привет, – напряженно говорит она. – Ты не отвечаешь на звонки и не перезваниваешь уже четыре дня. Лана, так

нельзя, я же волнуюсь.

Чувство вины сдавливает грудь, а в животе бурлит возмущение. Сжимаю мобильник и опускаю подбородок:

– Прости.

– Ничего, – вздыхает она, – я помню, что такое молодость. Учеба, друзья, о родителях думаешь в последнюю очередь, но я должна знать, что у тебя все хорошо.

– У меня все хорошо, – повторяю я механически.

– Лана...

– Честно! Все в порядке.

– Ты все еще злишься на меня?

Колючая дрожь пронзает правую руку, так и подначивая швырнуть телефон. Все, что мы пережили... до сих пор переживаем вместе с папой... все это...

– Лана, давай поговорим. Пожалуйста. Мы с твоим отцом...

– Я знаю! – выпаливаю резко. – Все знаю! И я пытаюсь понять тебя, правда, пытаюсь, но это трудно. И – да, я злюсь. Очень злюсь. Все разрушилось из-за тебя. Ты решила изменить свою жизнь, забыв, что она связана с нашими.

– Милая, все не так. Это решение было сложным и болезненным...

– Не для тебя.

– Неправда. Мне тоже было больно, но нам всем нужно это отпустить. Обещаю, все...

– ...наладится, – с горечью заканчиваю я, и глаза застила-

ет пелена слез. – У тебя ведь уже наладилось, верно?

– Почему ты на его стороне? – печально спрашивает мама. – Неужели я не заслуживаю поддержки?

– А я?! Я ее не заслуживаю?! Вы оба заиклились лишь на своих желаниях и проблемах, а как же я?!

Мама молчит. Поднимаю свободную руку к лицу и стираю со щек слезы.

– Мам, – я с трудом пересиливаю дрожь в голосе, – мне жаль. Жаль, что ты разлюбила папу, что пришлось разрушить нашу семью. Жаль, что... приходится говорить тебе все это. Ты хочешь быть счастливой, я не могу тебя судить, но я тоже хочу, и была, пока все это не случилось. Я злюсь на тебя, но это не значит, что не люблю. Надеюсь, вы с папой оба правы и скоро все наладится, но, пожалуйста, дай мне время все осознать и смириться, потому что сейчас тяжело не только вам.

– Малышка моя, – всхлипывает мама, разрывая сердце на части. – Я тоже тебя очень люблю. Ты самое дорогое, что у меня есть, но жизнь... она у нас одна, и иногда приходится переворачивать все с ног на голову, чтобы почувствовать ее в полной мере. Лана, я прошу тебя еще раз подумать о переезде. Мы могли бы вместе выбрать новую квартиру, документы на продажу старой почти готовы. Здесь есть чудесная частная школа с уклоном на иностранные языки и...

– Я не хочу менять школу, – отрезаю решительно.

– Хорошо. Я не настаиваю, но знай, что ты можешь сде-

лать это в любой момент. Ты приедешь ко мне на осенних каникулах?

– Можно я не буду отвечать сейчас?

– Конечно, – тихо отзывается она. – Я хотела еще кое-что спросить...

Мне не нравится ее заминка, но я смиренно жду продолжения.

– Мне звонила тетя Вера и сказала, что Антон не вышел на работу после отпуска...

Антон? Антон... Она никогда не звала папу по имени. Муж, любимый, родной, как угодно, но не Антон. Вроде бы мелочь, но сейчас она раздувается до размера ядерной боеголовки, которая летит прямо мне в голову.

– Он приболел.

– Что-то серьезное? – Волнение в ее голосе вызывает новый приступ слез.

Глубоко вдыхаю через нос и отвечаю без лишних эмоций:

– Обычная простуда, скоро поправится. Тебе не нужно за него переживать.

– Лана, ты у меня уже такая взрослая, такая умница...

– Мне пора бежать, мам.

– Да, конечно. Если что-то понадобится, сразу звони мне, ладно?

– Хорошо. Пока.

Кладу трубку, часы на дисплее телефона отсчитывают минуты до приезда автобуса, а сердце отсчитывает удары до

подрыва плотины. Может, стоит отменить операцию? Нет, ни за что! Я согласилась только потому, что эта авантюра должна помочь отвлечься, да и мое настроение отлично подходит для образа, который придумала Катя.

Напротив остановки тормозит большой синий автобус, поднимаюсь и медленно шагаю к распахнутой двери. Прости, Елисей, но сегодня пепси и «тетрадка» покажутся цветочками, потому что я приготовила для тебя целую корзинку ягодок.

Прохожу в заднюю часть салона, одиночное сиденье рядом с окном свободно. Сажусь лицом к широкому стеклу, кладу джинсовку на колени, а поверх бутылку воды. Елисей обычно заходит в автобус именно с этой стороны, надеюсь, и сегодня он не изменит привычке. Мотор рычит, дорожное полотно шелестит под колесами. Людей немного, это плюс: стайка младшеклашек из второй школы, взрослая женщина с бумажным веером в руках и дремлющий дедуля, но это только начало. Автобус подъезжает к следующей остановке, и я опускаю голову. Телефон оповещает о новом сообщении.

Командир Карпова: «Птичка в клетке»

Агент Гришиковец: «Приступаю к шагу номер три»

*Командир Карпова: «Удачи! *клевер*»*

Медленно убираю телефон в рюкзак и поворачиваюсь к боковому стеклу, за которым проносятся здания и редкие тонкие деревья.

«Не забывай о естественности, удивление – твой глав-

ный козырь. Объект должен поверить, что ваши столкновения не иначе, как судьба, а ты должна убедить его, что находишься в не меньшем шоке. Он не сделает первый шаг, придется тебе подойти самостоятельно, и, чтобы не дать возможности тебя раскусить, прижми его к стенке быстрее, чем это сделает он. Лучшая защита, как говорится, – нападение», – слышу в голове последний наказ Кати.

Прижать Елисея к стенке? Заманчиво. Представляю его реакцию, если на полном серьезе подойти и навалиться на него всем телом. Наверняка он пробил бы стекло затылком и выпрыгнул из автобуса на полном ходу. Не будем травмировать парня, сделаем все аккуратно, но с эмоциональным напором.

Поднимаю голову, бросая небрежный взгляд вперед. Елисей стоит у поручня, прислонившись к нему спиной, и смотрит в пол. Поверх рубашки на плечах висит тонкий свитер, рукава которого завязаны на груди, широкие черные брюки едва достают до щиколоток, и вместе с серо-бежевыми кроссовками получается образ настоящего модного хулигана. Прямо сейчас можно фотографировать и загружать в «Пинтерест». В голове рождаются все новые и новые вопросы. Почему он такой колючий и отстраненный? Он действительно грустит или это только ширма? Может ли он быть веселым? Что его радует? Нравится ли ему кто-нибудь? Были ли у него девушки?

Время все тянется, еще одна остановка позади. Пассажи-

ров становится вдвое больше, но Елисей так ни разу и не поднимает голову, даже не шевелится. Это плохо, совсем не по плану. Рядом со мной в проходе стоят две девочки лет девяти, а за ними тройка шумных мальчишек, без усталости пинающих друг друга по ногам. Очень надеюсь, что не буду гореть в аду за это, и потихоньку протягиваю руку к косе одной из школьниц. Легкий рывок, и салон заполняет тонкий писк:

– Эй! Вы что?! Костя, это ты сделал? Ну я тебе...

– Я ничего не делал! Отстань!

Детская разборка привлекает внимание пассажиров, но я не могу проверить, заметил ли меня объект, чтобы не спалиться.

– Тише, ребята, не шумите, – в полный голос произношу я. – Девочки, садитесь на мое место.

Подхватываю бутылку, забрасываю джинсовку на плечо и поднимаюсь, пропуская девочек. Они обе с легкостью помещаются на сиденье и одаривают меня широкими улыбками. Будем считать, что я уже извинилась. Обхожу грузного мужчину, готовящегося к выходу, и хватаюсь за поручень рядом с Елисеем. Он поворачивает голову, приподнимая подбородок, гримаса непонимания расплзается по его лицу.

– Ты что, следишь за мной? – спрашиваю я, нахмурившись.

Елисей пробегает по мне взглядом и выхватывает из руки бутылку.

– А попросить ты не хотел?

Никакого ответа я, конечно, не получаю. Елисей сжимает пробку в кулаке и с силой давит на нее, закручивая, а после, как ни в чем не бывало, возвращает бутылку мне. Какой предусмотрительный. Сдерживаю усмешку, чтобы не выпасть из образа, и проделываю еще один выпад:

– Ответь на вопрос. И предупреждаю, если ты следишь за мной, чтобы отомстить, подловив где-нибудь в закоулке, я знаю, как вырубить человека за три секунды. Это уже ни в какие рамки, сначала тетрадь, теперь автобус. А может, ты специально взял мои конспекты по биологии? Эй! Ты слышишь? Так и будешь играть в глухонемого?!

Елисей поднимает руку, ныряет пальцами в волосы рядом с ухом и вытаскивает беспроводной наушник. Да чтоб тебя, сходи уже к парикмахеру! Ты портишь мне всю малину!

– Ты что-то сказала? – холодно спрашивает он.

– Да! Я сказала, что ты жуткий тип! Что ты здесь делаешь?!

– Еду в автобусе.

– Не может быть, а я-то думала, мы в инопланетной капсуле! Куда ты едешь? И почему именно в этом автобусе? Признавайся, ты специально?!

– Специально ли я еду в автобусе, который идет в сторону моего дома? Да, думаю, так и есть.

Это он вроде как пошутил? Тогда почему на лице не дрогнул ни один мускул? Тише, Лана. Помни о плане. Шумно выдыхаю и снижаю градус раздраженности.

– Очень странно, что мы с тобой все время сталкиваемся.

– Мы живем на одной планете, к сожалению. Ничего странного, – отвечает Елисей и возвращает наушник в ухо.

Водитель резко ударяет по тормозам, и меня качает в сторону. Ударяюсь плечом о стекло и морщусь от боли. Это карма, да? Расплата за то, что дернула девочку за косичку? Несколько пассажиров выходят из автобуса, а заходит в пять раз больше, забивая салон до отказа. Получаю пару тычков локтями, к пояснице прижимается чье-то бедро. Неприятно. Можно мне пластиковый пузырь для ограничения личного пространства? А еще снимите крышу, нечем дышать!

Зато Елисей в очень выгодной позиции: смещается в самый угол, прислонившись спиной к стене, и расставляет руки в стороны. Засранец равнодушный! Если бы мы были в книге, то он, как главный герой, должен был предложить мне поменяться местами и закрыть собой от незнакомых людей. Мы стояли бы, прижавшись друг к другу, и украдкой смотрели в глаза. Вокруг летали бы блестящие искорки смущения и новых ощущений от случайной близости. Но нет, Елисей не герой, потому что он снова делает вид, что меня не существует. Да простят меня все книжные героини и их герои, но придется немного изменить правила и подкорректировать роли.

Запихиваю бутылку минералки в боковой карман рюкзака, шагаю вперед и ставлю руки на поручень рядом с ладонями Елисея, поймав его в ловушку. Между нами расстоя-

ние размером с мой кулак, грудь Елисея поднимается на тяжелом вдохе, едва не задевая мою. Он вытаскивает наушник и опускает голову:

– Могу я узнать, какого черта ты делаешь?

– Здесь слишком много народа.

– Но для обнимашек ты выбрала именно меня?

– Это не обнимашки. И если ты был бы нормальным человеком, то предложил бы поменяться местами, чтобы спасти меня от автобусных домогательств.

– А меня кто от них спасет?

– Я! Я тебя от них спасаю!

– А кто спасет меня от тебя?

– Я такая страшная? Противная?

– Стой где хочешь, – бросает он сухо.

Его пренебрежение ломает тоненькую палочку, удерживающую контроль. На голову падают воспоминания о состоянии отца и разговоре с матерью. Слезы застилают взгляд, и сейчас я даже рада, что на глазах нет стрелок и туши.

– У меня тоже нет большого желания находиться рядом с тобой, но ты здесь единственный человек, которого я знаю. Я ненавижу ездить в автобусах, но пришлось сегодня это сделать, потому что...

Потому что мне легче заниматься всякой ерундой, чем возвращаться в место, которое нельзя назвать домом, и прокручивать в голове мысли о том, как быстро разваливается моя жизнь.

– Вчера я отвезла кошку в ветеринарную клинику, и у нее нашли злокачественную опухоль, а сегодня должны провести операцию, на успех которой врачи не дают никаких гарантий, – всхлипываю я.

– Кошку? – удивленно спрашивает Елисей.

– Да! Я люблю свою кошку, понятно?! Не все в этом мире такие бесчувственные, как ты!

Еще одна остановка, и еще один рывок, во время которого я едва удерживаю равновесие. Давка в салоне становится почти невыносимой, душный воздух забивает нос, слышны извинения вперемишку с тихими ругательствами. Мне прилетает неслабый подзатыльник и пинок под колено. Слезы льются с новой силой, а напряжение все растет вместе с чувством вины и жалостью к себе.

Елисей вдруг хватает меня за предплечье и разворачивает, меняя нас местами. Упираюсь носом в стекло, а он прижимается к моему рюкзаку. Надо же! Неужели сработало? Вот Катька обрадуется. Так и знала, что у камня внутри есть что-то человеческое. Оборачиваюсь, задирая подбородок, и приоткрываю губы.

– Ну что еще? – недовольно спрашивает Елисей.

А, нет, показалось. Все тот же булыжник.

– Хотела сказать спасибо, но уже передумала.

– Смотри в окно, – бросает он и затыкает ухо.

Но меня не интересует окно, меня интересует время. Бро-саю взгляд на наручные часы, нам осталось ехать всего пят-

надцать минут до конечной, или двадцать, если повезет с пробками. Делаю несколько глубоких и ровных вдохов и выдохов, успокаиваясь. Нужно попробовать поговорить с Елисеем еще раз, пока он у меня на крючке. Поворачиваю голову, Елисей очень старается не реагировать, но у него не получается. Он вытаскивает наушник и опускает подбородок:

- Да, Лана? Что на этот раз? Хочешь, чтобы я протер стекло или подул на тебя?

Язвит, но уже не так злобно. Еще один плюс плану Кати – парни слишком теряются, когда перед ними плачет девушка.

- Что слушаешь? – нарочито дружелюбно спрашиваю я.
- Музыку.
- Ты, случайно, не директор отдела логичных ответов?
- А ты – отдела мелких доставучек?
- Я не...

Елисей втыкает наушник мне в ухо, заставляя замолчать. Обработанный на компьютере женский голос поет что-то о красных губах, ритм четкий и медленный, словно космический, но он быстро набирает силу и взрывается жестким ревом электронных басов и звоном тарелок. Приподнимаю брови и качаю головой:

- Это треп, верно?
- А ты думала, я слушаю BTS?

Удивленно хлопаю ресницами:

- Я об этом не думала. И что ты имеешь против BTS?

Очень талантливые ребята, их трек «Fake love» просто отвал

всего. Хотя, тебе и правда больше подходит треп, такой же мрачный и непонятный. Что это за композиция?

– Ты когда-нибудь замолкаешь?

– Только когда сплю.

– Это «Red Lips», GTA и Sam Bruno, – с неохотой озвучивает Елисей.

– Мне нравится, – улыбаюсь я.

– Потрясающе, – совсем невесело отвечает он. – Послушаем молча?

– Ты всегда такой?

– Да.

– Мне жаль твоих друзей.

– Аналогично.

Фыркаю и отворачиваюсь к окну. А ведь я думала, будет легко. Ну ничего, это еще не конец. Хотя на сегодня, наверное, достаточно, иначе Елисей и правда начнет обходить меня за километр. Музыка тихо звучит в наушнике, одну дорожку сменяет другая. Треп действительно не так уж плох, минимум слов, максимум атмосферы. Нужно будет добавить в плейлист несколько песен, жаль, что у Елисея закрыты аудиозаписи на странице. Интересно, если я попрошу открыть их для меня, что он ответит?

«Нет!» – гремит в голове его строгий голос.

Чем ближе мы к конечной остановке, тем меньше народу остается в автобусе. Елисей отходит в сторону, но наушник

не забирает. Боится, что я снова заплачу, или думает, что это гарант моего молчания?

– Лана!

Вздрагиваю и опасливо поворачиваюсь. Елисей что, сам ко мне обратился?

– Твоя остановка, – говорит он и кивает на дверь.

– Разве?

Автобус тормозит, распахивая двери, а я прищуриваюсь, глядя на Елисея с недоверием. Он ведь просто хочет выставить меня, верно? А может, мне действительно пора выходить? Что-то я запуталась.

– Ты и правда ненормальная, – вздыхает Елисей, хватая меня выше запястья, и вытягивает за собой.

– Сам такой, – бубню я, отступая от дороги, и провожаю взглядом удаляющийся автобус.

Елисей резко бросает мою руку и протягивает раскрытую ладонь:

– Наушник.

Оглядываюсь по сторонам, пытаюсь сориентироваться. Катя следила за Елисеем по дороге домой, а не я. Этот район мне плохо знаком.

– Пройдешь через вот тот рынок, – Елисей указывает на крытый ангар через дорогу, – и выйдешь на улицу Ломоносова. Оттуда до клиники всего две минуты пешком.

– Чего это ты такой добренький?

– Я делаю это не для тебя, а для твоей кошки.

Ладно, раунд засчитан, и нота, подходящая для прощания. Снимаю наушник и возвращаю владельцу, скромно улыбаясь:

– Спасибо.

Он молча разворачивается и шагает дальше по улице. достаю из кармана рюкзака бутылку минералки, чтобы промочить горло. По-моему, я молодец. Сейчас поброжу здесь минут семь и поеду радовать командира. Пытаюсь открутить крышку, но ничего не выходит. Вот же... Гневно выдыхаю и срываюсь с места:

– Эй! Стой!

Елисей запрокидывает голову и разворачивается с таким страданием, что мне его почти жаль, но не настолько, чтобы отстать. Подбегаю к нему и пихаю бутылку в руки. Он смотрит на нее, потом на меня, и почти без усилий откручивает крышку. Уже собираюсь забрать минералку, но Елисей поднимает ее и пьет сам, едва касаясь губами горлышка.

– Я хотела, чтобы ты ее открыл!

– И я открыл. – Он закручивает крышку так же сильно, как было.

– Нет! Я хочу пить! – возмущенно вскрикиваю я.

– Три шага назад.

– Что?

– Отойди на три шага. Открытые напитки и ты – несовместимы.

– Издеваешься?

– Ты сильно хочешь пить?

Сжимаю руки в кулаки и делаю три шага назад, прожигая Елисея взглядом. Он откручивает крышку, оставляя ее болтаться на горлышке, и ставит бутылку на тротуар. Ветер подхватывает темную челку, открывая высокий лоб, широкие брови и глаза. Сердце сбивается с ритма, словно я только что увидела чудо. Елисей выпрямляется и продолжает свой путь. Моргаю пару раз, возвращаясь из Страны чудес в реальность, и подлетаю к бутылке. Срываю крышку и кидаю ее вслед генералу-булыжнику:

– Ты ужасен!

С глухим щелчком пробка падает рядом с Елисеем, но он больше не оборачивается, лишь снова прикладывает два пальца к виску и салютует мне на прощание.

* * *

Он внимательно смотрит через тонированное стекло магазина на улицу, пара у остановки вызывает на лице едкую ухмылку. Они оказались еще интереснее, чем он предполагал, и это не может не радовать. Чем же все закончится? Чем? Неизвестность влечет и будоражит.

– Молодой человек, вы что-нибудь выбрали? – спрашивает продавец.

Парень поправляет козырек желтой кепки, сжимая пальцами ободранный край, и молча выходит на оживленную

улицу. Запихивает руки в карманы спортивных штанов и, опустив голову, шагает следом за Елисеем. Впереди виднеется Дворец спорта, у входа в который стоит компания старшеклассников. Парень сбавляет темп и смещается ближе к дороге. Его сердце в панике тарабанит о ребра, виски сжимают железные тиски страха, а ветер приносит обрывки фраз.

– Да! Я слышал об этом фильме, он офигенный!

– Давай завтра соберем пацанов? У меня родяки сваливают на все выходные.

– Может, не только пацанов?

– Может, и не только...

Сердце бьет последним яростным ударом, а после падает на дно живота. Парень вновь прибавляет шаг, оставляя позади счастливых подростков, которые не знают настоящих проблем. Они думают лишь о развлечениях, девчонках и компьютерах, живут полной жизнью, большая часть которой еще впереди. Он бы тоже так хотел, отдал бы все, чтобы обсуждать сейчас счастливые выходные в компании друзей, но его лишили этой возможности. И один из тех, кто этому поспособствовал, как ни в чем не бывало идет сейчас впереди. Идет и даже не догадывается, что его ждет в ближайшее время. Парень замирает у поворота во двор жилого комплекса, провожая тяжелым взглядом Елисея, и продолжает путь по прямой, прокручивая в голове то, что он знает и что еще предстоит узнать.

Глава 5

Поднимаюсь с кровати и подхожу к двери, напрягая слух. Из глубины квартиры доносится тихое бормотание телевизора. Пожалуйста, ну пожалуйста, пусть папа станет прежним. Сейчас я выйду, а он там пьет чай и смотрит вечерние новости. Собравшись с духом, я на цыпочках пересекаю гостиную, выхожу в прихожую и заглядываю через приоткрытую дверь на кухню. Папа сидит за столом, упершись лбом в сомкнутые в замок руки. Перед ним низкий пузатый бокал, а рядом ненавистная бутылка с золотой пробкой. Отступаю, крепко сжимая зубы. Сколько еще это будет продолжаться?!

Надеваю низкие черные ботинки и хватаю с вешалки кожаную куртку. Тянусь к защелке на входной двери, проглатывая колючий ком, впившийся в горло.

– Лана? – Даже голос отца теперь воспринимается как чужой.

– Я ухожу.

– Тебе нужны деньги?

Мне нужен мой папа! Верни его назад!

– Нет!

– Хорошо. Будь осторожна.

– Разумеется, – вздыхаю я, открывая замок. – Вернусь к десяти.

– Хорошо.

– Или к одиннадцати.

– Ладно.

– А может, останусь у Кати.

– Как скажешь, солнышко.

Круто разворачиваюсь и влетаю на кухню, впиваясь ногтями в ладони:

– Тебе вообще все равно, да?!

Папа поднимает голову, на его глазах пелена печали:

– Конечно, нет. Просто я знаю, что ты уже взрослая, и доверяю тебе.

– Да! Я здесь единственная взрослая!

– Лана... – горестно выдавливает он, качая головой.

– Ты должен был выйти на работу в начале недели. Тебя могут уволить, и что тогда? Я, как взрослая, должна буду бросить школу и пойти куда-нибудь в официантки?!

– Я звонил в офис, меня ждут в понедельник. Тебе не нужно об этом переживать.

Бросаю презрительный взгляд на стакан и нервно усмехаюсь:

– А что изменится в понедельник?

– Солнышко, сегодня только суббота, и я всего лишь пытаюсь расслабиться. Обещаю, что завтра...

– Хочешь расслабиться – сходи на йогу или массаж! Эта дрянь тебя губит!

– Ты не понимаешь...

Бесполезно. Злость раскачивает эмоциональное состоя-

ние, превращая его в беспощадный ураган. Выхожу из комнаты и несусь к двери, пока ситуация не стала критической. Я не хочу быть такой, не хочу грубить родным, но то, что они делают, убивает меня. Убивает все, что я так люблю.

– Ты какая-то грустная, – говорит Катя, опуская зеркальце. – Все в порядке?

– Все отлично, – отмахиваюсь я. – Ты готова?

– Почти. Остался последний штрих.

Катя роется в корзине с косметикой, достает черный тюбик и наносит щедрый слой помады цвета марсала. Она посылает воздушный поцелуй своему отражению, поворачивается ко мне и хмурит темные четко очерченные брови:

– В чем дело? Ты не хочешь идти?

Отвожу взгляд и склоняю голову. За окном стремительно вечереет, прохладный ветер проносится колючими мурашками по рукам и плечам.

– Ла-а-адно... – тянет Катя. – Я разрешаю тебе нарисовать стрелки, но только коричневые и не такие длинные, как обычно.

Она протягивает мне подводку, и я качаю головой.

– Так, Лана! Давай-ка рассказывай, что случилось?

– У меня сегодня нет настроения для игры в завоевательницу.

– О'кей, – серьезно произносит Катя. – Никакой операции, только веселье, идет?

– Думаешь, нам будет весело?

– Давай подумаем вместе. Это первая тусовка года, крутая кафешка на берегу реки, халявные закуски и напитки...

– А ты уверена, что мы вообще можем пойти?

– Издеваешься? Вероника пригласила всех старшеклассников, чтобы отметить избрание нового генерала. Вот кому точно повезло с родителями, – хмыкает Катя. – Мы не просто можем, а должны пойти!

Медленно киваю. Душа требует горячего липового чая и музыки в наушниках, но это не выход, а пропасть. Не хочу сидеть в одиночестве и жалеть себя. Не хочу падать в пучину отчаяния, уподобляясь отцу. Хватаю зеркало и подводку и вывожу тонкие ровные стрелки на веках.

– Вот так-то лучше, – довольно произносит Катя. – Классная рубашка, кстати. Елисей точно тебя заметит.

– А потом догонит и еще раз заметит.

– Скорее, догонит и зажмет где-нибудь в укромном местечке. У вас ведь уже был непрямой поцелуй, а значит, и до настоящего недалеко.

– То, что он пил из моей бутылки, еще не поцелуй.

– А я говорю – поцелуй, – настаивает Катя. – А еще наушник! Это такая же личная вещь, как зубная щетка, и он дал его тебе!

– Уверена, когда он вернулся домой, то бросил его в чан с кислотой.

– Да ну тебя! – смеется она, складывая разбросанную по

постели косметику в корзинку. – Просто признай, что мой гениальный план работает.

Вспоминаю вчерашнюю поездку в автобусе и свои последние слова, брошенные Елисею. Как он еще меня не послал? Непонятно. Но, возможно, скоро пробка полетит в мою сторону, или еще что повнушительнее.

– Признаю, но сегодня мы просто отдыхаем, верно? – спрашиваю еще раз, потому что слишком хорошо знаю эту непоседу.

– Да! Ни о чем не переживай, – воодушевленно отвечает Катя.

– Карпова... – предупреждающе рычу я.

Она поднимается с постели, хватает сумку и расправляет края плиссированной юбки в клетку:

– Нам пора выдвигаться. Мы уже достаточно опоздали.

Шагаю следом за подругой в прихожую. Тетя Лариса появляется как настоящий надзиратель, бесшумно и стремительно:

– Катя! Что с лицом?

– Это макияж, – язвительно отвечает она.

– Я не покупала тебе эту помаду. Ужасный цвет! Сотри немедленно!

– Но мне она нравится! – протестует Катя, вскидывая подбородок.

– Иначе ты никуда не пойдешь, – сурово говорит тетя Лариса. – Света хотя бы выглядит прилично, а ты... На панель,

что ли, собралась?!

Желание возразить и вступить в спор с матерью подруги поднимается из глубины души, и приходится бросить все силы, чтобы сдержаться. Мне не выиграть этот бой, да и Катя тоже. Взрослые слишком упиваются собственной властью, чтобы принять наши мысли, желания, стремления. И почему они считают, что одни в этом мире знают правильный путь? Неужели так трудно быть родителем, которому не все равно на твою жизнь, но вместе с этим он видит в тебе не заготовку под человека, а формирующуюся личность?

Катя открывает верхний ящик комода и вытаскивает бумажную салфетку, наклоняется к зеркалу и с остервенением стирает помаду.

– Довольна?! – жестко произносит она.

– Будешь со мной так разговаривать, останешься дома.

– Извини, – подавленно отвечает Катя. – Теперь мы можем идти?

– Чтобы в девять была дома.

– А можно Лана сегодня останется у нас? Мы хотели...

– Нет! – отрезает тетя Лариса. – Никаких ночевок во время учебы.

– Но завтра выходной!

– Ты не расслышала, что я сказала?

– Расслышала. – Катя опускает голову и открывает входную дверь.

– До свидания, – с вынужденной вежливостью говорю я и

выхожу следом за подругой.

Спускаемся по лестнице в напряженном молчании. Катя вдруг останавливается у окна и достает из маленькой сумочки помаду и зеркало. Она заново красит губы, подворачивает юбку на поясе, уменьшая длину, и поднимает на меня озорной взгляд:

– Ты ведь не думала, что я так просто сдамся?

– И в мыслях не было.

У реки воздух ощущается по-настоящему осенним. Порывистый ветер бросает в лицо запах тины и пресной воды, вдали слышится звучание музыки. Катя крепко сжимает мою руку, уверенно шагая по набережной вдоль широких деревянных скамеек и кованых фонарей. Подходим к парадному входу «Золотой рыбки», у дверей стоят несколько ребят из школы и что-то шумно обсуждают.

– Привет, девчонки! – вскрикивает Вика Стужева из десятого «В». – Где вы были? Вся параллель уже здесь. Там такие канапешки отпадные, обязательно попробуйте.

– Привет! – отвечаю я. – Спасибо, попробуем.

Катя тянет меня к двери и тихо бурчит:

– Стужевой для счастья нужна только еда. Видела, как она хот-доги трескает в буфете? И как ее еще не раздуло?

– Зависть тебя не красит, Кать, – хихикаю я.

– Как это не красит? Разве я не позеленела? – весело спрашивает она.

Входим в кафе, стены, отделанные мраморной плиткой блестят в приглушенном свете. Играет танцевальная музыка, у правой стены расставлены длинные столы с закусками, а небольшие столики, выстроенные полукругом, образуют танцпол в центре.

– Ты только посмотри! – восхищенно говорит Катя. – Все, как в американских комедиях, даже цветные пластиковые стаканчики есть за баром! Крутотень! Ну почему я не родилась в семье Давыдовых? Может, они меня удочерят? Обещаю, что буду любить их и Веронику как родных. Больше, чем родных!

Судорожно обдумываю ободряющую речь, но не успеваю собраться с мыслями, потому что Катя уже тащит меня к столу с одноклассниками.

– Ну наконец-то! – взмахивает руками Женька. – Мы забили столик, но уже начали сомневаться, что вы придете.

– Стульев, правда, всего три, но так уж и быть, Гришковец, можешь посидеть у меня на коленях, – говорит Миша и хлопает ладонями по ногам.

– Спасибо, Миш, я лучше постою.

– Нет, не лучше, – смеется он и хватает меня за талию, заставляя сесть.

– Морозов, блин!

– Что – Морозов? Мы с тобой пять лет за одной партой просидели. Сколько домашних я у тебя списал? А ты у меня?! Считай, мы уже почти родные.

И не поспоришь. Много чего было, но все в пределах дружеской границы.

– Только руки не распускай!

– Лана, я – монах!

Вечеринка набирает обороты. Смех, громкая музыка, безумные танцы. Катя сияет улыбкой и периодически набирает текст в телефоне. Наверное, делает заметки для своей книги. Хорошо, что мы все-таки пришли, и как же круто, что наша школа такая дружная. Все общаются, шутят, кайфуют. Ну, почти все. Есть один человек, мрачный вид которого прекрасно демонстрирует, как ему скучно, даже несмотря на то что он виновник торжества. Елисей отдыхает в своей привычной компании: Рома, Витя, Загорный с Вероникой и Настя, что крутится ленточкой вокруг него. На меня он, конечно, не обращает внимания, Катя следит за этим. Если бы он хоть разок посмотрел, я узнала бы мгновенно.

– Лана! – Катя дергает меня за руку.

Едва не роняю стаканчик с соком и вливаюсь рассерженным взглядом в подругу, но она этого даже не замечает, потому что сосредоточенно смотрит мне за спину.

– Елисей только что вышел на террасу один, – говорит она.

– И что? Думаешь, он собирается прыгнуть в реку и уплыть отсюда подальше?

– Ты должна пойти за ним.

– Кать, мы же договорились...

– Не надо делать ничего сверхъестественного, просто вый-

ди и притворись, что говоришь по телефону.

– И какой в этом смысл?

– Проверим его реакцию.

– Хочешь, я тебе ее предскажу?

– Лана, нельзя упускать такой шанс!

Так и знала, что это случится. Генератор идей по имени Катя Карпова работает без выходных и отпусков. Осторожно оглядываюсь, Вероника и Денис воркуют, сидя за баром, а Настя быстро шагает в сторону уборных. Ее светлые волосы, завитые в локоны, пружинят от тяжелой походки, подбородок опущен. Снова булыжник Елисей постарался?

– Ладно! – усмехаюсь я, возвращая внимание Кате. – Ты же все равно не отстанешь. И тебе, между прочим, очень повезло, что мое настроение поднялось за последний час и я снова готова на подвиги.

– Мне повезло, что ты моя подруга, – радостно отвечает Катя. – Иди скорей, пока мы его не упустили.

Пробираюсь через толпу танцующих к стеклянным дверям, взволнованный стук сердца смешивается с быстрым битом музыкальной композиции. С удивлением осознаю, что сама хочу новой встречи и нового разговора. Хотя бы короткого и незначительного, хотя бы взгляда...

Терраса украшена круглыми желтыми лампочками, разливающими мягкий свет в вечернюю темноту. Людей куда меньше, чем в зале, но они есть. Кто-то задумчиво смотрит на воду, кто-то сидит в уличных креслах и ведет задушев-

ные беседы. Подношу мобильник к уху и медленно шагаю по диагонали, украдкой разыскивая Елисея. Ага, попался! От меня не спрячешься, дружок! Он стоит в самом углу у ограждения, уткнувшись в телефон. Свечение дисплея падает на его лицо, губы расслаблены, темные волосы треплет ветер. На его шее широкая цепь из белого металла поверх черной толстовки, ноги скрещены, носок кроссовки упирается в пол. Весь его вид кричит: не подходи ко мне! Никак не могу понять его стиль, с одной стороны, он кажется человеком, который не хочет привлекать внимания, а с другой – выглядит ярко, даже будучи одетым во все черное. Темная магия, не иначе.

Останавливаюсь у ограждения и упираюсь локтями в деревянный поручень, болтаю сок в стакане и тихо бормочу короткие фразы, словно и правда говорю по телефону. Наблюдаю за темными водами реки, в мелкой ряби поблескивает золотистый свет ламп. Влажная прохлада впитывается в кожу, и я жалею, что не прихватила с собой кожаную куртку. Мелкие мурашки пробегают по левой руке к плечу и рассыпаются теплом по шее. Стакан исчезает из моих пальцев, и его содержимое безжалостно выливается в реку.

– Какого?.. – ошарашенно произношу я.

Елисей возвращает мне пустой стакан, ветер раздувает его челку, и я встречаюсь с темными раскосыми глазами, цвету которых сейчас позавидовала бы сама ночь.

– Лана, не знаю, зачем ты это делаешь, но лучше прекрати.

– Делаю что?

– Думаешь, я тупой? – недовольно спрашивает он.

– Думаю, ты офигевший. Сок-то за что вылил?

– У меня сегодня нет с собой запасной одежды.

– Это была случайность!

– И сюда ты вышла тоже случайно?

– Я вышла поговорить по телефону, – поднимаю руку, в которой сжимаю мобильник.

– Ты ведь даже не отключила звонок, когда я подошел, а сейчас экран не горит.

– Я слушала голосовое!

– Пусть будет так, – тихо вздыхает Елисей. – В любом случае, скажу тебе прямо... ты мне неинтересна, ясно?

– Я...

– Лана! – за спиной раздается крик Миши. – Вот ты где!

На плечи опускается кожаная куртка, но я не чувствую ни капли благодарности однокласснику за заботу. В голове громовым раскатом звучит: «Ты мне неинтересна».

– О! Мое почтение, генерал! – наигранно говорит Миша и обнимает меня одной рукой. – Лана, нам нужно поговорить, дело срочное.

Елисей без единого слова отступает и вновь утыкается в телефон, отгораживаясь от реальности плотным щитом. Опускаю голову. Обида заполняет легкие до отказа. Шагаю прочь вместе с Мишей, позволяя увести себя. Спускаемся по деревянным ступеням на берег реки и отходим к криво-

му ряду старых ив, ветви которых практически достают до земли.

Неинтересна, значит? Он ведь меня даже не знает! Он ничего обо мне не знает! Да как он посмел? Кем себя возомнил?!

– Миш, о чем ты хотел поговорить? – сухо спрашиваю я, чтобы поскорее остаться одной.

– Ты знаешь о чем, – ухмыляется он. – Сколько еще ты будешь держать меня во френдзоне, Лана? Я устал ждать.

– Ты пьяный, что ли?

– Стеклый как трезвышко.

– Морозов, прекращай. Ты меня пугаешь.

Но Миша не собирается останавливаться, шагает ближе и вытягивает руки.

– Угомони свои таланты! – пихаю его в грудь. – Да что с тобой?!

– Ничего, – мотает он головой и идет в новое наступление.

Миша обхватывает меня и крепко сжимает в объятиях. Его губы касаются краешка уха, и я слышу напряженный шепот:

– Ну кричи уже, Лана. Чего ты ждешь?

– Что? Ты о чем вообще?

Он щиплет меня за спину, с силой стискивая пальцы через кожаную куртку.

– Ай! Морозов, ты сдурел?! Отвали!

– Хорошо, но теперь давай немного громче и жалобнее.

– С ума сошел?!

– Ага, из-за тебя, Гришковец, – приглушенно смеется он. – Ори давай. Думаешь, я так сильно хочу тебя обнимать?

Крепко зажмуриваюсь и наконец понимаю, что именно происходит. Катя, план, четвертый шаг. Еще и Мишку сюда втянула, а он, дурак, подписался!

– Я сейчас так закричу... Та-а-ак! – гневно тяну я.

– Лана?! – доносится оклик из темноты.

Поворачиваю голову, сердце падает в пятки. Мишка отпускает меня и срывается с места, по всей видимости, решив, что выполнил свою часть плана. Паника парализует, шорох мелкой гальки бьет по ушам. Собираюсь броситься следом за Морозовым, но голос, который меня позвал, кажется очень уж очень знакомым. Очень...

– Сева? – удивленно спрашиваю я, вглядываясь в лицо парня, что шагает по берегу. – Что ты здесь делаешь?

Он оглядывается, нервно ероша светлые короткие волосы, и подбегает ко мне.

– Лана, уходи отсюда. Собирайся и иди домой.

Не пойму, сегодня где-то бесплатно странности и идиотизм раздавали? А может, ретроградный Меркурий шалит?

– С чего бы? Здесь вечеринка моей школы.

– Я знаю, – отвечает он сквозь сжатые зубы. – Пожалуйста, послушай меня...

Хруст гальки на этот раз кажется слишком громким, словно по ней шагает целая толпа. Приподнимаю брови, глядя на

старого знакомого:

– Сева, кто еще с тобой?

– Рогочий! Ну как там?! Все чисто?! – слышится совсем близко.

Резко втягиваю носом холодный воздух и отступаю, качая головой. Мне уже не нужны никакие ответы, нетрудно догадаться, что Сева здесь делает и с кем пришел.

– Лана... – тихо произносит он, но я не собираюсь его слушать.

Бегу к лестнице и взлетаю на террасу быстрее ветра. Сейчас не время для злости и обид, я должна предупредить Елисея. Выхватываю среди толпы черную макушку и ловлю его у входа в кафе:

– К нам гости, генерал. Из гимназии.

Он опускает руку, так и не коснувшись двери, и поворачивается ко мне:

– Где?

– На берегу, – указываю за спину.

– Шум не поднимай, – приказывает он и направляется к боковому спуску.

Провожая Елисея взглядом, тревога охватывает сердце. Он что, пойдет один? Терминатором себя вообразил?! Или он собирается нокаутировать гимназистов своими логичными ответами?! Забегаю в кафе, чуть не подправив нос Алеше из одиннадцатого «А», и решительно шагаю к генеральской свите, которая очень удачно собралась у бара в полном со-

ставе, даже Илья и Сергей здесь. Первой меня замечает Вероника и дружелюбно улыбается, но через мгновение на ее лице появляется настороженное недоумение. Она треплет за плечо Дениса, и он оборачивается как раз в тот момент, когда я подхожу достаточно близко, чтобы меня можно было расслышать.

– Гимназия здесь. Елисей пошел к ним один, – говорю громко и четко, будто и правда докладываю о положении серьезных дел. – За мной! Я покажу!

Ребята вскакивают с мест без лишних вопросов, и я веду их к лестнице на террасе. Денис останавливает меня, схватив за предплечье, и пропускает вперед парней:

– Ты молодец, но вниз не спускайся, а еще лучше не давай и другим.

– Будет драка? – с ужасом спрашиваю я.

– Не переживай, максимум потолкаются и покричат, – отвечает он с кривой ухмылкой и сбегает по ступеням.

Дергаюсь вправо и сжимаю широкие перила до боли в пальцах, глядя на берег. Елисей стоит спиной к реке, перед ним семеро старшеклассников из гимназии, среди которых и Сева. Значит, он все-таки попал в эти прокисшие сливки. Неудивительно, что мы перестали общаться. Свет от террасы и уличных фонарей едва справляется с темнотой, вижу только образы и очертания лиц с наметками эмоций, но зато слышу каждое слово.

– А вот и вся генеральская банда! Привет, давно не виде-

лись! – говорит Эдик Яровой.

Витя и Рома становятся по обе стороны от Елисея, за ними Илья и Сергей, а Денис остается рядом с лестницей.

– Загорный, и ты здесь? Присматриваешь за птенцом?

– Яровой, а ты чего такой смелый? – отвечает Денис. – Командующим себя возомнил? Насколько мы все знаем, этот пост достался не тебе.

– Но сегодня я за него, а смелости во мне побольше, чем во всех вас. Вашу жалкую стайку и бояться стыдно.

– Да ну? – влезает Витя. – Тогда чего ты с собой целую толпу притащил? Так сильно не боишься?

– Это дружеский визит новому генералу, – говорит Эдик и шагает вперед. – Ты ведь рад нас видеть, Брюс Ли?

Елисей приподнимает подбородок и смотрит на него сверху вниз. Спокойный, как слон на необитаемом острове с бесконечным запасом бананов.

– Где Андрюша? – холодно спрашивает он.

– Ты хотел сказать, командующий, – ядовито поправляет Эдик.

– Это для тебя он командующий, а для меня Андрюша. Так где он?

– Занят!

– Мамка уроки заставила учить? – выплевывает злобную насмешку Рома.

Елисей резко поворачивает голову влево, и Рома мгновенно замолкает, вытягиваясь, как оловянный солдатик. Ого,

вот это дрессировка. И когда он успел? Елисей поднимает взгляд на террасу, безошибочно попадая в меня. Шипящее жжение ощущается во лбу, колени подкашиваются, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не присесть. Не глаза, а бластеры.

– Итак, – с ледяным спокойствием обращается наш генерал к Эдику, – раз Андрюша не соизволил появиться, предлагаю решить все быстро. С чем он вас прислал?

– С подарком, конечно, у вас же праздник! Мы хотели вручить его в кафе, но и здесь уже достаточно зрителей.

Возле перил и правда собралась целая толпа, которая с предвкушением ждет дальнейшего развития событий. Катя молча прижимается к моему боку, так же, как и я, ловя каждое слово.

– Закрой глаза, Ли, – говорит Эдик. – Ой! Они ведь у тебя и так почти закрыты!

Гимназисты взрываются раскатистым смехом, и Рома с Витей делают синхронный шаг вперед.

– Сам! – громко произносит Елисей, и парни послушно возвращаются на место.

– Какой крутой. – Эдик подходит ближе к Елисею и вытягивает шею. – Надеешься на кунг-фу или прямо сейчас молишься Будде? Или в кого вы там верите?

– Долго мне еще ждать свой подарок?

– Уже не терпится?

– Не терпится, чтобы вы свалили отсюда.

Эдик медленно кивает и чуть шире расставляет ноги:

– Это будет еще легче, чем я думал.

Он заносит руку для удара, и его кулак стремительно приближается к щеке Елисея. Наклоняюсь вперед, не рассчитав скорость порыва, но Катя вовремя хватает меня за куртку, удерживая на месте. Неужели никто ничего не сделает? Никто?! Маленькие камешки бьются друг о друга под кедами Эдика, когда он переступает с ноги на ногу. Елисей ведет корпусом в сторону, но не уклоняется, а лишь опережает удар на несколько мгновений, получая его не в полной мере.

Молчание пульсирует напряжением, ветер гневно качает ветви ив. Елисей поднимает голову и произносит все так же холодно и беспристрастно:

– Теперь уходите.

– Что это, Ли, честь самурая? Как тебя вообще выбрали генералом? Ты же почти слепой! Интересно, а вы, как котята, рождаетесь с закрытыми глазами? Не-е-ет, тогда они бы уже у тебя открылись.

Рома и Витя встают в боевую позицию, Илья готовит кулаки-молоты, а Сергей в секунде до обращения в Халка. Дай команду, и они от Эдика мокрого места не оставят, но Елисей расслаблен, словно в его венах течет ромашковый чай. Он смотрит на Эдика чуть склонив голову и молчит.

– Знаешь, Ли... по ходу тебе одного подарка мало. Добавлю-ка я сверху кое-что от себя. Ущербных же стоит жалеть и поощрять, верно?

Эдик готовится к еще одному удару, но Елисей стреляет

словами быстрее:

– На этот подарок я отвечу.

Кулак вздрагивает в заминке, но Эдик все-таки решается на еще одну показательную атаку. Правда, в этот раз Елисей не бездействует. Шагает в сторону и ловит руку Ярового в полете, с силой дергает за нее и резко отпускает. Заместитель командующего летит к воде и теряет равновесие, приземляясь на четвереньки.

– Стоять! – повышает голос Елисей, заставляя замереть не только свою свиту, но и гимназистов, уже готовых броситься в драку. – Все вопросы решаются один на один, раз сегодня командующий Эдик, то мы с ним сами и разберемся.

Яростная ругань смешивается с плеском воды. Эдик поднимается на ноги и несется на Елисея, который с готовностью встречает его прямым ударом в нос. Яровой вновь оказывается на земле и корчится от боли, прижимая руки к лицу, а Елисей поворачивается к террасе. Еще никогда я не видела его таким... Довольным? Счастливым? Сумасшедшим?!

– Вернитесь все в кафе, – говорит он сквозь сдержанную улыбку. – Пожалуйста.

– Вы слышали своего генерала? – с гордостью произносит Денис. – Все живо в кафе!

Народ послушно пятится к двери, Катя хватается меня за руку и тянет за собой. Смотрю в пустоту, медленно переставляя ноги. Треск гальки, хлопки по воде, звуки глухих ударов.

И я даже не знаю, за кого должна переживать? За Елисея, Эдика или за всю гимназию?

Музыка в зале играет тише, все присутствующие разбиваются по группам и тихо переговариваются между собой, забыв о веселье. Отвожу Катю в сторону и выкладываю все, что случилось, не забывая всыпать ей за финт с Мишкой.

– Получается... – медленно произносит Катя, – ты его спасла?

– Только не начинай, – нервно трясу головой. – Он нас раскусил и в лоб мне сказал, чтобы отстала. И кого я там спасла? Ты видела, что он сделал?

– Это все уже не важно. Четвертый шаг запущен, нужно дожать объект.

– Катя, вернись на секунду в реальность. Это не роман, пострадал реальный человек.

– Ты о Яровом? Он получил за дело. Если бы не его длинный язык и непомерное эго, то вернулся бы домой целеньким. А вот Елисей... он повел себя очень круто. Мне даже на секунду показалось, что я сама могу в него влюбиться. Серьезный, спокойный, сильный, аж мурашки по коже. Мечта, а не парень, – вздыхает она. – Но он твой, не волнуйся, я не претендую.

– Он улыбался после драки. Ему это нравилось, понимаешь?

– Кому бы не понравилось вмазать негодяю, который тебя

оскорбил?

– Не защищай его!

– Лана, – Катя кладет ладони мне на плечи, – успокойся и дыши глубже. Все хорошо, все закончилось. Ты просто перенервничала.

– А ты почему такая спокойная?

– Поверь, я читала сюжеты и покруче. Это все так, подростковая проза, даже крови не было.

– Мы не в романе!

– А жаль, – усмехается Катя, но миг становится серьезной. – Отдышись, дорогая, я всего лишь шучу. Давай, вдох-о-ох... вы-ы-ыдох...

Опускаю подбородок и концентрируюсь на дыхании. Катя права, все позади. Такое случилось и раньше, просто не на моих глазах. Мальчики... Полные карманы понтов и ветер в голове. Придумали себе какую-то глупую вражду, генералов, командующих, королей и играют в войну, в которой никто и никогда не победит. Лучше бы за компьютером сидели или за девчонками ухаживали!

– Эй, народ! А что грустим?! – кричит Денис Загорный, появляясь в дверях. – Вечеринка продолжается!

Следом за ним входит вся генеральская свита, но без генерала. Напрягаю плечи, новый вдох встает поперек горла. Где он? Что-то случилось?

– Не волнуйтесь, – вещает Денис, – с генералом все в порядке. Он присоединится к нам позже. Врубайте музыку на

полную! Нам есть что отметить!

Катя легонько встряхивает меня и наклоняется к уху:

– Лана, слушай меня внимательно. Шаг четвертый, фаза вторая. По канону главная героиня после драки латает раны героя, сопереживает ему и проявляет заботу. Скорее всего, объект остался на берегу один, приводит себя в порядок. Сейчас ты выйдешь через парадный вход, обогнешь кафе и спустишься к реке. У меня в сумке есть салфетки и антисептик, а еще прихвати с собой стаканчик со льдом, чтобы приложить к его щеке. Боже! Это просто подарок судьбы!

Это ад на Земле!

– Кать, я боюсь к нему идти, – отвечаю серьезно.

– В этом и суть. Ты его боишься, но все равно идешь, потому что переживаешь, – с восторгом говорит она. – Это же идеально!

– Это сумасшествие!

– У тебя все получится. Будь милой, скромной и взволнованной. Поинтересуйся его состоянием, расскажи, как сильно испугалась. Если не поможет, снова заплачь. Мы заставим его пересмотреть свое последнее утверждение насчет тебя и закроем целый шаг за сегодня!

Тяжело сглатываю, ощущая нестерпимую сухость во рту.

– Или ты хочешь сдать? – с колючим разочарованием спрашивает Катя.

Сомнения давят на затылок, адреналин разбавляет кровь. В глазах подруги вижу непоколебимую веру и азарт, которые

придают сил и смелости. Мы убили на это полтора месяца не для того, чтобы бросить все на середине пути.

– Давай сумку, – вытягиваю руку. – Я пойду.

– Вот так-то лучше. Поторопись, и лед не забудь!

Глава 6

Руки дрожат то ли от холода, то ли от страха. Медленно шагаю по каменистому берегу, вздрагивая от каждого шороха, и молюсь о двух противоположных вещах. Пусть Елисей будет там, чтобы я могла завершить план, и пусть его уже там не будет, чтобы я вернулась к Кате не проигравшей, а всего лишь невезучей. Добираюсь до места происшествия и не вижу никого живого. Мертвых, на мое счастье, тоже нет. Поджимаю губы, глядя на террасу, наверное, Елисей уже вернулся в кафе. Так жаль, что от улыбки сводит щеки, а сковывающий страх уступает место облегчению. Поднимаю взгляд, звезды подмигивают мне мягким сиянием. Давненько я уже не видела такого чистого ночного неба. За спиной раздается треск сухой ветки и звонкий стук гальки. Резко оборачиваюсь и всматриваюсь во тьму за ветками ив:

– Кто здесь?

Ответа нет, а вот плохое предчувствие есть. Шагаю в сторону, не сводя глаз с деревьев. Мы ведь не триллер разыгрываем, а романтическую комедию, верно?

– Там кто-то есть? – Голос становится до противного высоким.

Зловеще завывает ветер, пронзая тело холодным порывом, и сердце сбивается с ритма, принимаясь яростно колотить в ребра. Нет, нет, нет. Стоит успокоиться и подумать ло-

гически. В призраков я не верю, значит, это может быть кошка или птичка. Собираюсь подойти ближе, но тут же передумываю. Все фильмы ужасов начинаются именно так: слышится шум, глупый герой идет проверять, что там происходит, и его съедает жуткая зомби-жаба. Вытаскиваю из стаканчика кубик льда и кидаю его вперед. Он исчезает из виду, а тишину убивает злой и уже хорошо знакомый голос:

– Черт! Да ты издеваешься!

– Елисей? – хриплю я.

– А ты решила прикончить в этом месяце кого-то еще?

Шумно выдыхаю, стискивая в пальцах ледяной стакан. Кинуть бы его в голову этому ниндзя, я тут чуть инфаркт не схватила.

– Ты что, прятался от меня?!

– Пытался, – вздыхает он и выходит из укрытия, прижимая ладонь к лицу.

– Ты меня напугал!

– И за это ты решила выбить мне глаз?

– Я...

– Случайно, – перебивает он жестко. – Я догадался.

Вот тебе и подлатала раны герою. Никакой романтикой и не пахнет: я в ужасе, а он бесится. И что теперь? Обязательно нужно было прятаться? Сидел бы на свету, ничего бы не случилось! Что там говорила Катя? Быть взволнованной, проявить заботу.

– Я принесла лед, чтобы...

– Чтобы насыпать мне за шиворот, видимо. Случайно, конечно же, – говорит Елисей, потирая ушиб, и опускает руку.

– Нет, я...

– Лана, я уже все сказал. Пожалуйста, перестань.

– Вообще-то, я волновалась за тебя! – топаю ногой, лед в стаканчике подпрыгивает и возвращается назад с быстрым перестуком.

– Не стоит, – невозмутимо отвечает Елисей.

– Да как ты можешь?! Булыжник бесчувственный!

– Это все?

– Нет, не все!

Преодолеваю расстояние между нами и прижимаю стакан со льдом к его левой щеке:

– Подержи!

Елисей напряженно выдыхает и перехватывает стакан:

– Можно и полегче, помощница, ты делаешь только хуже.

– Я была бы нежнее, если ты не вел бы себя как рыба-еж в жуткой депрессии после кефира и зеленого яблока, – бубню я, роясь в сумке.

– Ты сама поняла, что сказала?

– Почти.

Открываю пачку салфеток, достаю одну и обхватываю запястье свободной руки Елисея. Ток пронзает подушечки пальцев, вызывая дрожь, движения теряют ловкость и легкость, но я осторожно прохожусь влажной тканью по покрасневшим костяшкам. Его кожа такая холодная...

– Я уже вымыл руки, – отдергивает ладонь Елисей.

Чувствую его раздражение, колючей щеткой царапающее грудь. Хочется провалиться сквозь землю, чтобы вынырнуть на другой стороне Земного шара и крикнуть: «Катя-я-я! Твой план не работает!»

– Где ты их вымыл? – спрашиваю я скованно.

– В реке.

Резко вскидываю подбородок и распахиваю глаза:

– Совсем ненормальный?! А чего сразу в унитаз не окунул?! Знаешь, сколько в речной воде всяких палочек?!

– И где же я так провинился? – устало спрашивает Елисей.

Он возвращает мне стакан, выхватывает упаковку салфеток и тщательно вытирает руки, грозно глядя исподлобья. Осторожно протягиваю ему пузырек антисептика, натянуто улыбаясь. *Видишь, генерал, я забочусь о тебе, прими это с благодарностью.* Он выдавливает гель на ладони и растирает его, взбешенно сжимая губы.

– Довольна?

Как ему сказать? Не очень... Я должна быть его спасением, а не наказанием.

– Неплохо бы услышать спасибо.

– Спасибо? Спасибо?! Ну, спасибо тебе, Лана, за то, что никогда не делаешь то, о чем тебя просят!

Кажется, я его довела. Стыдливо опускаю голову, кусая щеку изнутри. А где же милый разговор под звездами? Смущенные взгляды, переход на новый уровень доверия? Думай,

Лана. Думай! Растерянно качаю головой и развожу руками:

– Но...

– Я сказал не поднимать шум, а что сделала ты? Вывела всех на террасу! За это я должен тебя благодарить? За то, что ты сделала все наоборот?!

– Их было много! Я хотела помочь!

– Я похож на того, кому нужна помощь?!

– Не кричи на меня!

Елисей ведет подбородком в сторону, напрягая шею. Под бледной кожей пульсируют жевательные мышцы. Он замирает на несколько секунд, а после возвращает себе холодное равнодушие:

– Ты можешь просто оставить меня в покое?

– Не могу, – отвечаю я, не задумываясь.

– Это шутка?

– А тебе смешно?

Елисей угрожающе наклоняется вперед:

– Ты видишь улыбку на моем лице?

Он что, пытается меня напугать? Признаюсь, выглядит действительно жутковато, но сходство с моментом из фильма «Темный рыцарь» меняет эффект с точностью до наоборот. Зеркалю жест Елисея, приближаясь к его лицу:

– Хочешь знать, откуда эти шрамы? Мой папаша...

– Ты ненормальная, – глухо шепчет он, отклоняясь.

– Ты первый начал.

– Лана, просто уйди, ладно? Возвращайся на тусовку и не

смей больше подходить ко мне.

– Вряд ли это возможно.

– Почему?!

– А вдруг ты мне нравишься?!

Трудно сказать, кого из нас больше шокирует мое заявление. Закрываю рот, лоб печет от ментальной затрешины, которую я мысленно отвешиваю сама себе.

– Потрясающе, – сдержанно кивает Елисей. – И что мне делать с этой информацией?

– Это всего лишь предположение, а не достоверный факт.

– Ничего глупее я в жизни не слышал.

«Сам тупой!» – злюсь я мысленно.

– Лана, давай сделаем вот что: ты сейчас уйдешь и забудешь об этом разговоре. Обещаю, что сделаю то же самое.

– Нет! – твердо заявляю я, не желая сдаваться.

– Что значит «нет»? – грозно переспрашивает он, шагая ближе. – Признавайся, ты пила?

– Я не пью.

– Значит, сама по себе такая неадекватная?

– Нормальная я! Неужели так сложно поверить, что я испугалась за тебя?! Что мне не все равно?!

Между нашими носами всего пара сантиметров. Прохлада исчезает, и тело погружается в горячую смолу необычных ощущений. Гнев и паника, интерес и смятение. Чувства мечутся, меняясь друг с другом, и я уже не понимаю, где игра, а где реальность.

Елисей медленно отстраняется, тряхнув волосами. Челка падает на глаза, и он поворачивается в сторону лестницы, готовясь к побегу. Это полный провал, но у меня есть еще несколько секунд эфирного времени.

– Ты встречаешься с Настей?

– Нет.

– С другой девушкой?

– Нет.

– С парнем?

Елисей сжимает ладонями шею, запрокидывая голову.

– В этом нет ничего такого, я не осуждаю...

– Лана, мне нравятся девушки, просто ты не одна из них.

Слова кажутся такими горькими, словно сторевшая гренка, политая соусом чили. Провал в кубе, и вряд ли уже можно что-то исправить. Пустота разъедает грудную клетку, руки опускаются. Моя решительность утекает сквозь кончики пальцев и развеивается по ветру.

– Я правда хотела помочь.

– А мне правда это не нужно.

Смотрю на удаляющуюся спину Елисея и жду, когда он отсалютует мне на прощание, но этого не происходит. Провал в десятой степени, на этот раз я точно проиграла.

Катя молчит всю дорогу от кафе до перекрестка, где мы обычно прощаемся, перед тем как разойтись по домам. Останавливаемся у пешеходного перехода, машин нет, но крас-

ный сигнал светофора никто не отменял. Искоса поглядываю на опечаленную подругу и подступаю ближе:

– Кать, мне жаль...

Она хлопает ресницами, чуть вздрагивая, и переводит на меня взгляд:

– О чем ты?

– Прости, что провалила эксперимент.

– Он еще не окончен, – она упрямо качает головой.

– Но...

– Лана, все нормально. Во всех экспериментах бывают неудачи, ничего страшного. Мне нужно проанализировать сегодняшний опыт и обдумать следующий шаг, а пока мы уходим в затишье.

– Перед бурей? – невесело хмыкаю я.

– Именно! – щелкает пальцами Катя, указывая на меня. – Не переживай, мы его дождем.

– Я никогда ему не понравлюсь.

– Ты уже ему нравишься, просто он еще не знает об этом.

Слова подруги зажигают маленький бенгальский огонек внутри, и его искорки рассыпаются по телу легкой щекоткой. Что это? Неужели он мне и правда?..

– Ну все, мне пора, – Катя порывисто обнимает меня и выбегает на дорогу. – Не кисни, ладно?! К понедельнику у меня будет готов новый план!

– Ладно! – машу ей рукой на прощание. – Будь осторожна и напиши, как доберешься домой!

– Хорошо, мамочка! Пока, пока!

– Пока... – едва слышно отвечаю я и шагаю дальше по улице.

Ветер, словно наказывая, поднимает пыль с обочины и бросает в меня. Застегиваю куртку и складываю руки на груди, чтобы сберечь тепло, но это не помогает. Холодная осень ступает следом, а во мне будто включается кухонный комбайн. Стоит подумать о чем-то, как мысль тут же измельчается острыми ножами и превращается в болезненную пустоту. Ускоряю шаг, но как только добираюсь до своего двора, замедляюсь. Толстые клены роняют на землю бурые листья, ветер стихает, не в силах пробиться сквозь старые кирпичные многоэтажки, а у моего подъезда стоит высокая фигура, пряча руки в задние карманы джинсов.

В мыслях мелькает дурная идея спрятаться и подождать, пока путь не станет чист. У меня нет настроения для нового разбора полетов, я слишком опустошена и расстроена, чтобы вспороть еще и старую рану рядом со свежим порезом. Меняю направление движения, прикидывая место, где можно укрыться, и с осторожностью поглядываю на вечернего гостя. Сева пинает носком кроссовки мелкие камешки, вышагивая из стороны в сторону, и оглядывается. Что я делаю? Неужели у меня уже мозг потек от этих книжных правил, раз я собралась играть с ним в прятки?

Выхожу в свет фонаря, собирая по крупицам остатки сил. Сева поднимает голову и, поймав меня взглядом, вытаски-

вает руки из карманов. А он подросток, да и в плечах стал внушительнее. Над бровью красуется свежий розовый шрам, а в светло-зеленых глазах виднеется сожаление вперемешку с беспокойством.

– Привет, – тихо говорит Сева.

– Да уж виделись сегодня.

– Так и знал, что ты злишься, – слабо улыбается он.

– Тогда зачем пришел?

– Хотел поговорить без свидетелей.

– Поговорить? А чего еще пару лет не подождал? – с тихой злостью отвечаю я. – И откуда ты знаешь, где я теперь живу?

– Твоя мама сказала моей, и...

– Ясно, – обрываю его я.

Получается, он знал и о разводе родителей, но так и не объявился ни разу, чтобы хотя бы поинтересоваться, как я? Хороший друг.

– Лана... – печально вздыхает Сева. – Я...

– Ты, Сева. Ты, – киваю я, напряженно усмехаясь. – Ты прекратил наше общение, просто взял и исчез, а теперь хочешь о чем-то поговорить?

– У меня не было выбора. Ты же знаешь, что нашим школам запрещено...

– Даже слушать это не стану. Хотите заниматься ерундой и играть в противников? Пожалуйста, но без меня.

– Без тебя? – Он вскидывает светлую бровь. – Сегодня ты была в центре событий и показательно выбрала сторону.

– А чего ты ждал? Что я вас прикрою, помогу?

– Что ты не станешь вмешиваться.

Ток пробегает вверх по позвоночнику и ударяет в голову так, что из глаз едва не сыплются искры. Отчего все решили, что могут раздавать мне приказы?

– Пока, Сева.

Дергаюсь к двери, но он успевает схватить меня за руку чуть выше запястья:

– Прости. Я не это имел в виду.

Его голос такой же нежный, а прикосновение осторожное и трепетное. Сердце реагирует привычно, словно и не было нескольких месяцев нервирующей тишины. Но разум помнит: они были, и теперь я знаю причину, даже не задавая наводящих вопросов. Правда, один все-таки есть.

– Если тебе запрещено общаться со мной, то что ты здесь делаешь?

– Хотел убедиться, что ты в порядке.

– Мог бы просто написать.

– А ты бы ответила?

Выкручиваю руку, освобождаясь от захвата, и оборачиваюсь. Взгляд упирается в его губы, тепло поднимается от груди к лицу. Я мечтала о нашем поцелуе весь прошлый год, представляла, как это будет. Что Сева позовет меня наконец-то на свидание, мы прогуляемся по парку, съедим большой рожок мороженого на двоих или выпьем горячий шоколад в кафе, а после он проводит меня домой и...

– Лана, мне жаль, – говорит Сева, шагая ближе.

Останавливаю его, упираясь ладонью в грудь, и опускаю голову:

– Мне тоже.

– Я хотел написать...

– Но не сделал этого.

Мы стоим так близко, сердце оживленно колотится, заглушая завывание ветра. Я скучала, нуждалась в его поддержке, но... быть в банде командующего для него, очевидно, важнее. Земля дребезжит под ногами и расплзается широкой призрачной трещиной.

– Не стоит тебе нарушать правила, друзья не одобрят.

– Они не узнают.

– Я не буду играть в эти игры. Спасибо, что волновался, но я в полном порядке. Не приходи больше и не пиши.

– Вот так, значит?

– А ты рассчитывал на другой исход? – с колючим удивлением спрашиваю я. – Ты ведь знал, что нравишься мне, а я знала, что это взаимно, но мы никогда не обсуждали происходящее между нами. Притворялись друзьями и общались только в переписках, потому что тебе так было удобно. Ты ведь всегда хотел попасть в верхушку гимназии, а с девушкой из тридцать третьей это было бы проблематично, да?

Сева подавленно опускает взгляд, и я чувствую нестерпимое жжение в глазах от собственной правоты. Вот теперь точно все, на сегодня с меня хватит.

– Ты сделал свой выбор, и я его принимаю. Все нормально, Сев, иди к друзьям. И не нужно больше беспокоиться обо мне, с этим отлично справляются другие.

– Например, Елисей? – с отрезвляющей жесткостью спрашивает он.

– С чего ты взял?

– Мне показалось, что между вами что-то есть.

– Перекрестись.

– Лана, лучше держись от него подальше.

Истерический смешок вылетает изо рта, холод бьет по зубам и языку, но вспыхнувший огонь ему не затушить.

– Это тебе стоит держаться от него подальше! О чем ты только думал, вступая в банду?! Понравилось сегодняшнее шоу?! Хочешь встать на место Ярового?!

– Он идиот.

– А ты, конечно, умнее! – раздраженно встряхиваю волосами.

– Когда я стану командующим, все будет по-другому. Никакой вражды, никаких драк, и никакого запрета на общение, – сквозь зубы цедит Сева.

Теперь в нем нет и следа от забавного парнишки, который так нравился мне, одна лишь жажда признания и власти. Да кто это такой?

– Сева, для этого достаточно послать их всех куда подальше и делать то, что хочешь ты сам. Они не могут тебе приказывать.

– Конечно, могут! Они могут все!

Вздрагиваю от его резкого тона, и часто хлопаю ресницами в такт сердечному ритму. Сева набирает полную грудь воздуха и медленно выдыхает, вновь подступая.

– Лана, я хочу все это изменить, и если ты мне поможешь...

– Я?

– Да, именно ты. Чтобы стать новым командующим, нужно заслужить доверие предыдущего, а значит, решить его главную проблему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.